

Paladuin

Маленькая деревушка в долине казалась едва различимым миражом, который ускользал всякий раз, когда взгляд пытался выхватить его из слепящего снежного плена. Уильям поднял тяжелый двуручный меч, умелой рукой поправил упряжь своего коня. Перед ним был первый рубеж владений его сюзерена, графа де Клера.

В ту зиму снег казался ему особенно белым и легким, как перья ангелов, спускающихся с неба по приказанию чьей-то невидимой длани. Он укрывал все вокруг девственно-чистым пологом, на который было жаль наступать. На фоне серо-голубого неба, скудно подогреваемого изможденными и редкими солнечными лучами, яркими росчерками темных чернил выделялись ветви деревьев, лишенных ветром снежного наряда. Маленькая деревушка в долине казалась едва различимым миражом, который ускользал всякий раз, когда взгляд пытался выхватить его из слепящего снежного плена.

Уильям поднял тяжелый двуручный меч и умелой рукой поправил упряжь своего коня. Перед ним был первый рубеж владений его сюзерена, графа де Клера. Времена были беспокойные, после прошлогоднего неурожая по дорогам бродили толпы бродяг и разбойников в поисках легкой добычи. Нужно было оставаться настороже и внимательно смотреть по сторонам.

Тяжелый плащ, подбитый мехом куницы, надежно защищал от пронизывающего ветра, но Уильям все равно был напряжен словно дикий зверь, готовый в каждую минуту вступить в кровавую схватку.

Он не был дома уже пятнадцать лет. На его сапогах была пыль сарацинских дорог, в его кожу вьелись гортанные звуки восточных базаров, запахи пряностей и благовоний. Он был одним из тех, кто много лет подряд своей кровью поддерживал престол Иерусалимского королевства.

Но жизнь была слишком коротка, чтобы проводить ее остаток на чужбине. Уильям с наслаждением вдыхал свежий, наполненный холодом и запахом леса воздух родных земель. Когда-то давно он покинул эти края, пытаясь заглушить боль от потери своей любимой жены и сына, которых в тот страшный год накрыла своими смертоносными объятьями чума. Крестonosец закрыл глаза, отгоняя все еще ранящие душу воспоминания. Он никогда не сможет забыть...

Конь ступал по снегу неуверенно, впервые в жизни видя и ощущая его мягкость под своими копытами. Рука железной хваткой сжимала поводья, направляя Бланкарта вперед.

Как его примет Гилберт де Клер, которому он в свое время был верным и преданным товарищем? Что с ним сделало время, и остался ли он тем беспечным весельчаком, с которым Уильям когда-то был готов на любые отчаянные выходы?

-

В большом зале, освещаемом языками пламени огромного камина, было душно, пахло потом и кожей, жареной дичью, горящими поленьями. Эти назойливые плотные испарения были так не похожи на те, к которым он привык за долгие годы, проведенные на Востоке. Уильям застал Гилберта в окружении своих баронов, праздновавших удачную охоту. По всей видимости, празднество удалось на славу, все гости были изрядно пьяны, собаки, сновавшие тут же между столами, подбирали щедрые объедки. Хозяин замка сидел в массивном кресле посреди длинного стола, лениво поднося ко рту куски оленины и время от времени опустошая красивый серебряный кубок, каждый раз заботливо наполняемый виночерпием.

— Приветствую тебя, Гилберт де Клер, граф Хартфорд! — громкий выразительный голос заставил все затуманенные хмелем глаза обратиться в сторону говорящего.

Тучный лысоватый граф резко подался вперед, грозясь выпасть из парадного кресла.

Нервно сглотнув, он вперил напряженный взгляд в незваного гостя.

На несколько секунд вокруг воцарилась мертвая тишина, казалось, стало слышно даже возню крыс за многочисленными гобеленами.

Гилберт медленно сполз со своего места и, чуть шатаясь, приблизился к Уильяму, который выглядел лет на десять моложе него, хотя они были ровесниками. Закаленное в боях и турнирах тело, мужественное лицо с высокими скулами, которые годы сделали еще выразительнее, едва тронутые сединой смоляные волосы и борода, все те же пронизательные зеленые «глаза колдуна», как говорили когда-то придворные дамы.

Узнав своего давнего друга, граф Хартфорд разразился восторженными воплями неподдельного удивления, захватив его медвежьими объятьями жирной пятерни.

После продолжительных расспросов и приветствий Уильяма наконец усадили рядом с хозяином, поставив перед ним внушительных размеров кубок. Гилберт все никак не мог надивиться тому, кто сидит подле него. Ему казалось, это призрак из прошлого, наваждение, вызванное винными парами. Ему не удавалось сложить все части большой головоломки, которая крошила его мозг. Все уже давно похоронили лорда Уильяма Мелбри, доблестного рыцаря Хартфордшира, а его земли были разодраны мелкой знатью. Теперь ему придется снова завоевывать себе состояние верной службой.

Большой просторный двор был наполнен звенящими звуками клинков, громкими возгласами и одобрения, и досады. Разгоряченные тела блестели от пота, зимний холод был не страшен для мечников в пылу сражения. Ежедневные тренировочные бои были необходимы для каждого, кто носил оружие.

С самого раннего детства сыновья более или менее титулованных семей по несколько часов упражнялись в борьбе на мечях. Дети Гилберта не были исключением. С тех пор, как Уильям вернулся в родные края, ему ничего не оставалось делать, как пойти на службу графу де Клеру. Он должен был обучать сыновей графа воинскому искусству, которым сам владел в совершенстве, руководить гарнизоном замка и обеспечивать его безопасность. Но очень скоро круг вопросов, которыми занимался бывший крестоносец, значительно расширился. Гилберт безоговорочно доверился благородству и честности своего рыцаря, практически ничего не предпринимая без его совета. Но все тянул с разрешением вопроса по поводу его земель, которые были нагло захвачены окрестными баронами за те пятнадцать лет, которые Уильям провел в Святой Земле, сражаясь с сарацинами. Графу Хартворда не хотелось отпускать от себя такого верного и полезного вассала.

--

Уильям подошел к большой деревянной бочке с ледяной водой и, зачерпнув целый ковш, жадно пил, вылив остатки на разгоряченное схваткой тело. День ото дня Роджер и Хамфри, старшие сыновья графа, становились все более умелыми во владении оружием благодаря его многолетнему опыту. Но пройдет еще много времени, прежде чем он будет полностью доволен результатами своего труда. Когда-то он сам был на их месте. Кажется, это было сто лет назад. Они с Гилбертом- совсем щенки — едва успевали уворачиваться от метких и беспощадных ударов Хью Говарда, первого рыцаря старого графа де Клера, который был их наставником и никогда не давал спуска.

Наконец, отпустив своих учеников отдохнуть, он хотел направиться в оружейную, чтобы проследить за работой нового смотрителя, но не успел сделать и пары шагов, как его кто-то окрикнул. Обернувшись, Уильям увидел худенького мальчишку невысокого роста, который

отважно смотрел на него в упор большими и выразительными глазами. Его опрятное платье говорило о знатном происхождении. Наверное, это сын какого-то барона, присланный ко двору графа оруженосцем или пажом, подумалось Уильяму. Слишком смазлив и хлипок.

— Меня зовут Квентин, Ваша Милость. Я младший сын лорда Стоуна. Я служу Их Светлости, вдовствующей графине Беатрис. Могу ли я надеяться на несколько ваших уроков, разумеется, когда вы не будете заняты с де Клэрами?

Уильям едва не прыснул со смеху, но вовремя сдержался, чтобы не оскорбить честь юного дворянчика. В конце концов, он и сам был младшим сыном, лишенным наследства, вынужденным самому добиваться положения в обществе. Но представить, как эти лилейные руки держат огромный двуручный меч, он попросту не мог, равно как и все остальное рыцарское облачение на хрупких плечах настырного паренька.

— Так, значит, ты хотел бы обучиться мастерству мечника? Тебе что, надоело прельщать хорошеньких женщин своим ангельским лицом? Захотел украсить его парочкой шрамов или случайно лишиться какой-нибудь части тела? — язвительно заметил Уильям, увидев гневную тень в глазах цвета византийской смальты. А этот паж был с характером. — Ну, так что же, лови.

С этими словами рыцарь немного подбросил вверх массивный меч, не боевой, но тяжелый и со специально затупленным лезвием. Паж неожиданно ловко изогнулся, поймав оружие обеими руками, только чуть заметно качнувшись и просев в спине под его тяжестью. И снова с вызовом и упорством уставился на Уильяма.

— Так я могу надеяться, Ваша милость? Это не займет много времени, я буду терпеливым учеником. Для меня это очень важно. Никто не воспринимает меня всерьез, а ведь я и вправду хочу стать рыцарем, таким же сильным и смелым как вы.

Что-то в этом искреннем и восторженном взгляде не давало возможности отказать, и Уильям согласился:

— Ладно, посмотрим, на что ты годен. Ранним утром я буду около старой кузницы. Только не вздумай потом жаловаться на синяки и выбитые зубы.

Несмотря на грозное предупреждение, лицо юного пажа просияло:

— Спасибо, Ваша Милость, я буду очень стараться! Вот увидите! — прокричал он, убегая вприпрыжку, чуть ли не пританцовывая от радости.

Какая странная встреча, подумал крестоносец, глядя вслед бесстрашному мальчишке. Вряд ли он продержится хотя бы пять минут с мечом в руках, как бы ни храбрился. В любом случае, это будет забавно, усмехнулся лорд Мелбри.

Ранним утром, когда туман еще окутывал крепостные стены, юный паж ждал в указанном месте. По тому, как он растирал продрогшие руки, было заметно, что бедняга пришел сюда чуть ли не до рассвета. Уильям прихватил с собой два деревянных меча.

— Твоя госпожа тебя не хватится, юный Квентин Стоун? — спросил лорд Мелбри.

— О нет, Ваша Милость. Она без сомнения еще спит, — торопливо проговорил паж испугавшись, что долгожданное занятие будет отменено.

— Ну, что же, начнем.

Уильям удивлялся, как быстро его новый ученик осваивал азы ближнего боя, как легко запоминал самые замысловатые комбинации. В его руках было мало силы, но природная ловкость и умение угадывать замысел противника компенсировали этот недостаток, позволяя увернуться от смертоносных ударов. Когда он возмужает, то сможет стать одним из лучших мечников графства, пока же настоящий боевой меч был ему не по силам.

Эти занятия на рассвете нравились Уильяму, он снова вспомнил то время, когда давал уроки своему маленькому сыну. Смышленный и талантливый ученик был так не похож на Роджера и Хамфри, которые, несмотря на ежедневные изматывающие тренировки, очень медленно продвигались в мастерстве. Хотя оба имели недюжинную силу, они не могли выстроить безупречную тактику и стратегию боя, постоянно получая огромные синяки и кровоточащие ссадины от меча Уильяма.

Однако крестоносца удивляла чрезмерная стеснительность паж. Квентин всегда был в наглухо застегнутой сюркотте с капюшоном и стыдливо отворачивался всякий раз, когда Уильям снимал верхнюю куртку и рубашку, чтобы освежиться снегом после тренировки. На Востоке он привык содержать свое тело в чистоте, что совсем не практиковало большинство рыцарей. Слуги недовольно ворчали про себя, когда в очередной раз им приходилось греть и таскать воду, чтобы наполнить большую деревянную лохань в его покоях наверху. Где это видано, чтобы уважающий себя рыцарь был таким неженкой! Ведет себя как какой-нибудь сарацин: платье меняет часто, у себя в покоях жжет какое-то дьявольское зелье, от которого воздух пропитывается сладким и горьким ароматом, сам, без помощи клириков читает все бумаги и ведет учет для графа.

Очередная утренняя тренировка подходила к концу. Но сегодня ученик был слегка рассеян и чем-то опечален, пропустив несколько сильных ударов, которые заставили Уильяма прекратить занятие.

— Да что с тобой сегодня! Наверное, я зря трачу здесь время! Соберись, скоро мне нужно приступить к своим обязанностям, да и тебе нужно будет поспешить к своей госпоже. Кстати, почему я никогда не видел тебя рядом с нею?

— Возможно, ваше внимание было отдано более значительным людям, чем я, милорд, — с печалью в голосе ответил юноша. — А грущу я от того, что завтра больше не смогу прийти сюда, отец отзывает меня обратно.

Уильям почувствовал, что от этих слов ему тоже становится тоскливо, но сказал как можно более ободряюще:

— Ну, что же, значит, ты нужен ему, это совсем не плохо. Только не бросай занятия, из тебя выйдет отличный мечник.

Глаза юного Квентина наполнились слезами, которые не смогли укрыться от внимательного взгляда Уильяма. И прежде, чем тот смог еще что-то сказать, паж сорвался с места и опрометью бросился прочь.

Двор замка был похож на оживленный муравейник, в котором смешались нетерпеливое ржание коней, бряцание оружия, лай собак, зычные голоса сокольничих и ловчих, снаряжающих большую охоту. Граф Гилберт много времени посвящал этому благородному занятию, хотя порой оно приводило его на грань смерти. Однажды, погнавшись за молодым оленем, он упал с коня, сломав себе руку, в другой раз, вступив в схватку с огромным вепрем, едва спасся от его мощных смертоносных клыков. Этого гиганта Гилберт де Клер и вознамерился настигнуть сегодня, чтобы поквитаться с ним за тот уродливый шрам, который остался ему на память об их последней встрече. Граф был в своем лучшем расположении духа, его сыновья сидели на своих прекрасных жеребцах арабской породы, купленных за большие деньги у восточных купцов. Но Роджер и Хамфри все равно завистливо поглядывали на грациозного и стремительного Бланкарта, который гарцевал под своим хозяином, словно бурная дикая река, сдерживаемая плотиной, готовый рвануться вперед по первому же повелительному движению руки.

Уильям Мелбри ехал по правую руку от своего сюзерена, который был полностью поглощен предстоящим опасным развлечением.

— Давно хотел спросить тебя, Уильям, почему ты вернулся сюда, где у тебя ничего нет? Неужели в Святой Земле не нашлось хорошенькой женщины, которая бы нарожала тебе кучу зеленоглазых сыновей. Я слышал, Иерусалимский король благоволил тебе.

Рыцарь Мелбри опустил свой взор на луку седла, задумавшись на некоторое время, а потом сказал:

— Конечно, женщины были, было и богатство, но ты знаешь, Гилберт, что никакие земные блага не могут смирить тоску по родным краям. Только здесь я чувствую себя по-настоящему живым, здесь, у родных могил я когда-нибудь обрету покой.

— Да ты, смотри, стал философом, Мелбри! — рассмеялся Гилберт де Клер. — Я рад твоему возвращению и вознагражу тебя за верную службу. Будь уверен, крестоносец!

С этими словами он прищпорил своего коня и помчался с молодецким присвистом к опушке густого дикого леса, оставляя позади сопровождающих его всадников.

Тишина дремучей чащи была оглушительной и плотной. Лошади шумно втягивали колючий воздух. Ловчие обследовали территорию, изучая следы. Едва заметные надломленные ветви, приникший кое-где нежный подлесок, вмятины на подтаявшем снегу. Раздался звук охотничьего рожка, знаменуя начало травли, собаки заволновались, завыли, начали рваться с привязи, почуяв зверя.

Всадники сорвались с места, преследуя громадную черную тень, рванувшую сквозь чащобу от раззадоренных охотников. Погоня была длительной и изматывающей. Казалось, этот вепрь был создан самим Люцифером, его мощь и выносливость не знала равных. Несколько пущенных стрел остались в его крутых боках, застряв в толстой шкуре, собаки выбились из сил. Но он все не сдавался. Наконец, преследователям стало ясно, что дальнейшая погоня бессмысленна. Зверь ушел далеко, его уже не достать. Рассвирепевший Гилберт почти взвыл от досады.

Спешившись около разбитого слугами бивака, граф раздраженно сорвал с себя перчатки, тяжело дыша, опустился в заботливо подставленное кресло и жадно осушил предложенный ему кубок.

— Дьявол! — выругался Гилберт, сжав свой не малых размеров кулак, словно держа за кадык невидимого врага. — Сам дьявол помогает этому зверю. Ты видел что-либо подобное?

— Надо признать, что вепрь силен, но он не посланник Ада. Ты убьешь его рано или поздно. Это всего лишь зверь, — ответил рыцарь.

— Ты издеваешься? Я хочу сегодня же вспороть ему брюхо и увидеть его голову на своей пике. Так что охота продолжится, — упрямо заявил Гилберт де Клер, в глазах которого промелькнул огонь безумия.

— Но уже смеркается. Как ты собрался преследовать его?

— Он сам придет сюда, чтобы поквитаться со мной за стрелы в своем теле. Вепрь-мстительное отродье. Я встречу его, всадив копьё в глотку.

Несмотря на все уговоры, обратить графа к здравому смыслу не удалось. Упрямый Гилберт сжимал древко копья, фанатично вглядываясь в лесную глушь расширенными от азарта зрачками. Отпустив часть свиты домой с трофеями, он остался лишь с несколькими ловчими, слугами и Уильямом, который не терял надежды образумить своего друга и сюзерена.

Когда на землю начали постепенно наплзать серые тени подступающих зимних сумерек, а солнце стало кроваво-золотым, медленно скатываясь за край Земли, Уильям вдруг с быстротой дикого зверя почуял едва уловимое, почти призрачное тяжелое сопение в утробе лесной чащи. Он прислушивался к этому нарастающему звуку, стараясь охватить взглядом все пространство небольшой поляны, на которой они находились. Рыцарь кожей чувствовал приближение разъяренной раненной бестии, готовясь в любой момент броситься на помощь безрассудному Гилберту, если тот не успеет среагировать быстро.

Но все случилось как будто по замыслу темных сил. Огромный дикий кабан выскочил совсем с другой стороны, точно вырос из-под земли за спиной графа Хартфорда. Тот лишь успел, развернувшись, дико закричать, роняя на мгновенно обогрившийся снег уже бесполезное копьё. Вепрь врезался в него со всей своей мощью, разрывая внутренности, не оставив ни единого шанса на выживание. Гилберт де Клер выкатил глаза, вперив удивленный взгляд в лицо своего верного рыцаря, который прикончил напавшего зверя несколькими сильными ударами.

--

В замке Хартфорд было многолюдно. Все окрестные бароны прибыли, чтобы выразить свою скорбь по безвременной и трагической кончине своего сюзерена. Уильям не мог простить себя за нерасторопность, которую, как ему казалось, он проявил в тот момент, когда вепрь кинулся на графа. Но разум говорил, что это был злой рок, который не удастся обмануть ни ангелу, ни демону. Именно он ослепил графа Хартфорда, лишив всяческого благоразумия.

Роджер де Клер, старший сын Гилберта, вскоре после пышных похорон отца принял клятвы от своих вассалов. В большом парадном зале он приветствовал тех, кто держал свои лены от дома де Клеров. Наконец, настала очередь Уильяма. Роджер никогда не нравился бывшему крестоносцу. Заносчивый и ленивый, он любил шумные пирушки и разбойничьи вылазки в соседние деревни, во время которых молодчики иногда развлекались насилием и грабежом мирных вилланов. Молодой Хартфорд в свою очередь ненавидел Уильяма за прямоту, честность, за доверие, которое ему оказывал отец. Рыцарь всегда рассказывал о бесчинствах старшего сына и его друзей. Теперь, когда Роджер по праву старшинства стал главой дома де Клеров, он мог поквитаться с бывшим наставником. Самодовольная улыбка

не сходила с его лица, пока Уильям Мелбри приближался к его креслу. Новый граф предвкушал тот миг, когда гордый рыцарь преклонит колено, прося о милости наделить его леном, и произнесет вассальную присягу.

Но крестоносец не спешил принять подданническую позу, он стоял также прямо и уверенно как всегда, положив руку на роскошный пояс, украшенный серебряными пластинами, приготовившись внимательно выслушать молодого де Клера.

— Известно ли тебе, лорд Мелбри, что всякий вассал, вошедший сюда, обязан склониться перед своим сюзереном? — уставившись с вызовом в глаза Уильяму, произнес Роджер.

— Известно, молодой граф Хартфорд. Но и ты, должно быть, хорошо помнишь, что на моем гербе серебряная десница- символ верности клятве. Я принес эту клятву когда-то смелому и благородному человеку, которого считал своим другом, но в тебе я не вижу этих качеств. К тому же, мои земли уже давно захвачены этими доблестными господами, — он иронично приподнял брови и обвел сверлящим взглядом притихших баронов и рыцарей. — И я не тешу себя надеждой, что ты дашь мне то, что давно было обещано твоим отцом. Поэтому отныне считаю себя свободным от каких-либо клятв и покидаю этот гостеприимный край.

Роджер чуть ли не трясся от гнева, желваки, заходившие на его лице, и вспыхнувшие водянистые глаза выдали всю ту ненависть, которую он испытывал к первому рыцарю своего отца. Рот молодого графа исказился в кривой усмешке, и он презрительно выплюнул:— Ну, так что же, доблестный Мелбри, безземельный рыцарь, не смеем задерживать тебя более!

Уильям еще раз посмотрел уничтожающим взглядом на дерзкого щенка, возомнившего себя властелином душ и, развернувшись, чеканящей походкой направился к выходу, чувствуя за спиной довольные похрюкивания местной знати.

Городская площадь, как всегда, была полна самого разношерстного народа. Здесь можно было увидеть многочисленных торговцев и богатых чванливых горожан, оборванных нищих, клириков в своих черных балахонах и знатных господ. В этой толчее зазевавшийся прохожий мог запросто лишиться своего кошелька, а кто-то- получить удар острого клинка наемного убийцы.

Уильям спешил к дому своего старого друга, оружейника Вигмара. Увидев крестоносца, Вигмар расспросил, что его привело в город, и после доверительного разговора за кружкой пива согласился, что это было верное решение.

— Что теперь ты намерен делать, Уильям? Отправишься в странствия по чужим землям или все-таки останешься?

— Война- это все, что я умею, Вигмар. Тешу себя надеждой, что еще смогу послужить Святому престолу и нашему королю. Но, как видишь, кроме Бланкарта, доспехов и боевого меча у меня больше ничего нет. Оруженосец, который был у меня при дворе де Клера, не пожелал остаться с рыцарем, обреченным на вольные странствия. И я его ни в чем не виню. Но где мне теперь найти того, кто его заменит? Баронские сынки нынче хотят устроиться потеплее, — Мелбри задумчиво посмотрел в свою кружку.

— Значит, ты решил пуститься в дорогу. Я думаю, королю нужны верные и благородные рыцари, если твоя рука тверда, как и прежде. А что до оруженосца, так я завтра же займусь этим. Никто лучше тебя не владеет мечом в этом графстве, тебя помнят как прославленного воина и с радостью пойдут к тебе в ученики.

— Знаешь, а ведь у меня был смысленный и способный ученик, некий Квентин Стоун. Правда, я уже несколько недель ничего не слышал о нем. Странная история, — задумавшись, Уильям сделал паузу. — Исчез так же неожиданно, как и появился. Младший сын мелкого барончика из Хартфордшира, которому, неизвестно зачем, вдруг понадобилось срывать его с отличного места в доме де Клеров. Не слышал ли ты что-нибудь об этом?

— Да уж, Мелбри, ты так долго не был здесь, что не знаешь, у Годфри Стоуна нет взрослых сыновей. Его молодая жена родила ему наследника только в этом году. Твой Квентин- лжец.

Крестоносец нахмурил густые брови, между которыми собралась тревожная складка. И как только этому парнишке удалось обвести его вокруг пальца, выдавая себя за пажа старой графини! Только вот кем был этот Квентин, почему скрыл свое настоящее имя, и какие помыслы двигали им?

Уильям не любил быть обманутым и поклялся, что устроит хорошую трепку наглomu мальчишке, который посмел его дурачить, если приведетсe еще раз с ним встретиться.

На следующий день Вигмар сообщил Уильяму, что несколько юношей желают поступить в оруженосцы к самому прославленному рыцарю Хартфордшира. Но один из них оказался вороват, другой же был настолько суеверен и пуглив, что боялся каждой выскочившей из-за угла черной кошки. Остальных Уильям в бешенстве прогнал за нерасторопность и лень. Вигмар удрученно качал головой, упрямство Уильяма шло вразрез с теми условиями, которые диктовало его нынешнее положение.

Рыцарь Мелбри собирался покинуть город в одиночестве, решив, что уж лучше возьмет себе слугу простолюдина, чем знатного и бесталанного лентяя.

Он проследил, чтобы у Бланкарта была свежая вода и овес, сам почистил его крутые бока и расчесал роскошную густую гриву. На постоялом дворе было шумно, заезжие торговцы праздновали удачные сделки, то и дело слышались пьяные вопли и звуки очередной драки. Уильям как всегда прочитал молитву Пречистой Деве и уже приготовился лечь, как в дверь постучали. Если это кто-нибудь из пьяной братии, он сильно пожалеет, что постучал сюда, подумал рыцарь, рывком открывая дверь.

Из полночного сумрака на него смотрели знакомые глаза, наполовину скрытые тенью капюшона, так похожие своим цветом на яркую смальту византийских мозаик.

Уильям схватил нежданного гостя за шиворот и грубо втокнул в комнату. Первой мыслью было отлупить дерзкого обманщика, чтобы было неповадно впредь водить за нос благородного человека. Но Квентин пришел сюда намеренно, возможно, чтобы объяснить свое странное поведение и ложь. К тому же, юный паж выглядел неважно. Лицо было бледным и осунувшимся, потрепанная сюркотта совсем повисла на хрупких плечах. И всего через минуту посетитель свалился на пол к ногам крестоносца.

Лорд Мелбри быстро привел его в чувство несколькими пощечинами, догадавшись, что у юноши, возможно, голодный обморок. Мысли о мести улетучились сами собой, уступив место пронзительной жалости, неизвестно откуда взявшейся в сердце закаленного в боях крестоносца.

Несмотря на голод, Квентин брал еду аккуратно, словно сидел за королевским столом, а в тарелке у него вместо похлебки, куска хлеба и засохшего сыра был жареный фазан.

— Ну, а теперь, выкладывай, кто ты на самом деле, — твердо спросил Уильям, глядя в испуганные синие глаза пажа, который, очевидно, не был готов к такому повороту событий. — Клянусь, если ты и в этот раз соврешь мне, тебе придется пожалеть об этом! — изумрудная зелень в глазах рыцаря потемнела, как от набежавшей тучи. Юноша опустил свое ангельское лицо и уставился в пол.

— Милорд, вы самый благородный и милостивый рыцарь, которого можно было встретить. Я совсем не хотел вас обманывать, но мне пришлось, иначе вы не стали бы даже разговаривать со мной, не то что давать уроки. Все дело в том... что я сам не знаю, кто я... и кто мои родители. С детства я жил в замке де Клеров и действительно был пажом у Её Светлости, вдовствующей графини. В этом я не солгал. Покойный граф Гилберт хорошо ко мне относился. Но Роджер... всегда меня недолюбливал. Это он узнал о наших занятиях и пригрозил рассказать обо всем своему отцу. Поэтому я больше не мог рисковать вашей репутацией. Когда граф погиб на охоте, молодой Хартфорд объявил, чтобы я убирался прочь.

Уильям внимательно слушал Квентина, даже когда тот приостановился, чтобы унять свои переживания, из-за которых его голос нервно дрожал.

— Я хотел пойти в услужение к какому-нибудь благородному рыцарю, — продолжил юноша. — Но у меня нет ни имени, ни титула. К тому же, никто не верит, что я могу держать в руках меч. Несколько дней назад я узнал, что вы ищете оруженосца и посмел надеяться на наше старое знакомство. Это глупо и бесцеремонно. Простите, Ваша Милость, что потревожил вас. Я сейчас же уйду.

С этими словами юноша встал со своего стула, чтобы направиться к двери, но властная рука рыцаря вернула его на место.

Что же, Гилберт всегда любил хорошеньких женщин. Возможно, это не единственный его бастард, который вырос в замке, подумал Уильям Мелбри.

— Вот, что я скажу, Квентин Безымянный. С завтрашнего дня ты станешь моим оруженосцем. И не смотри на меня так, благодарности оставь на потом, возможно, ты еще пожалеешь о своей участи. Моя жизнь никогда не была спокойной. На рассвете мы отправляемся в путь. А пока можешь устроиться здесь на полу, я прикажу принести соломенный тюфяк и одеяло.

Когда новый оруженосец тихо засопел у изножья кровати, Уильям подумал, что совсем

рехнулся, взяв в ученики такого хлипкого и смазливового юнца, над которым без сомнения все станут потешаться. Но почему-то он не мог поступить с ним иначе.

Королева Алиенора положила руку на свой округлившийся живот, ощутив под пальцами так хорошо знакомое биение жизни. Уже в восьмой раз она готовилась стать матерью. Медно-золотистые тяжелые косы были искусно убраны в замысловатую прическу, платье сапфирового бархата оттеняло молочную белизну ее кожи и глубокий взгляд умных проницательных глаз уже не молодой, но по-прежнему обворожительной *aigle en or*, «золотой орлицы», как ее восторженно называли аквитанские «певцы любви».

Ее старшему сыну Генриху минуло девять лет, погодкам Ричарду и Годфриду было по восемь и семь. Они уже вовсю рубились на своих деревянных мечях, свободно держались в седле и стреляли из лука. Порою ей казалось, что они задиристые маленькие львята, которые сполна взяли от нее и короля Генриха энергию, ум и смелость, а кроме этого — свои огненные шевелюры, на которых когда-нибудь заблестят короны.

Снешаль учтиво поклонился и объявил, что некий рыцарь из Хартфордшира, Уильям Мелбри, просит принять его. Во время отсутствия деятельного и непоседливого Генриха Плантагенета, который в очередной раз отбыл из столицы, Алиенора была полноправной правительницей, она обладала острым умом и несгибаемым характером, уверенно решая государственные дела. Голос и облик вошедшего крестоносца показался ей знаком. Он опустил на одно колено и, немного склонив голову, прикоснулся ладонью к самому сердцу. После обмена учтивыми приветствиями королева сразу же спросила:

— Где я могла видеть вас, рыцарь Мелбри?

— Ваше Величество, мы встречались лишь однажды, в Константинополе, во время Вашего посещения Святой Земли с крестоносцами. Я был среди посланников Иерусалимского короля.

— Ну, конечно же! Рыцарь с колдовскими зелеными глазами. Некоторые из моих придворных дам еще долго вздыхали по ним. Так что же привело Вас ко мне вновь? — с улыбкой произнесла Алиенора, в удивительно молодых ее глазах плясали любопытные озорные искорки.

— Я много лет провел в Святой Земле, служа Иерусалимскому королю, но теперь единственное мое желание — быть полезным здесь. И если король Генрих примет мои клятвы, то не будет у него более верного вассала, а у Вас, несравненная Донна — более преданного рыцаря.

Королева чуть наклонила голову, внимательно изучая статного широкоплечего крестоносца, так напоминавшего ей того, кто тронул ее юное сердце много лет назад и навсегда остался первой, самой печальной и трогательной любовью. Человека, в которого она влюбилась еще пятнадцатилетней девчонкой, жестоко убили у нее на глазах. Самая завидная невеста Франции, опекуном которой был Людовик VI, не была парой для простого рыцаря. Алиенора отогнала грустные воспоминания, не позволяя им разъедать свою душу, и сказала, полоснув строгим взглядом оживившихся придворных дам, едва слышно перешептывавшихся по углам:

— Что же, Уильям Мелбри, мне всегда верилось, что на земле еще рождаются доблестные Паладины, подобные тем, что сидели когда-то за Круглым Столом короля Артура. Полагаю, мы найдем в Вас нового Персиваля или Ланселота. Я поговорю с Его Величеством по его возвращении. Но Вы, должно быть, знаете, что рыцарь моего окружения

помимо войны должен знать законы "Fin Amor". Жители туманных берегов Темзы отважны, способны, не дрогнув, встретиться лицом к лицу с самой грозной опасностью и совершить любой подвиг, но истинным рыцарем воина делает искусство любезно говорить с дамами о любви. Так считал мой дед герцог Гийом Аквитанский, величайший рыцарь-трубадур своего времени. Что вы скажете на это? — в тоне королевы и ее изысканных речах слышался вызов. Она смотрела на него пристально, испытующе, не давая права на раздумья и сомнения. Такая искушенная в куртуазном обращении женщина вряд ли удовлетворится заурядным ответом.

— Позвольте мне, Ваше Величество, ответить вам канцоной, которую я сложу на острие своего клинка и преподнесу завтра утром. Тогда, смею надеяться, все ваши сомнения рассеются как туман над Темзой.

Королева звонко рассмеялась, встретив его ответную улыбку.

— Тогда до завтрашней встречи, Паладин!

Уильям покидал покои королевы вдохновленный, с учащенно бьющимся сердцем и блеском в глазах. В самом дальнем углу он заметил своего оруженосца, покорно ждавшего окончания аудиенции. Юноша был странно молчалив, угрюм и чем-то раздосадован. Большие выразительные глаза гневно искрились. Но рыцарь Мелбри тихонько насвистывал себе под нос веселую песенку, он то явно был в прекрасном расположении духа.

Собравшихся в утренний час в большом просторном зале, где обычно придворные и сам король упражнялись в искусстве владения мечом, ждало захватывающее зрелище. Бывший крестоносец, рыцарь из Хартфордшира, заинтриговал королеву своим обещанием. Сегодня он представит свою «канцону на острие клинка». Алиенора предполагала, что Мелбри желает продемонстрировать ей свое мастерство лучшего мечника графства, и заранее выбрала для поединка одного из французских рыцарей- Гийома де Бетюна. Король Генрих не одобрил бы подобных развлечений, но королева никогда не поступалась своими желаниями, тем более сейчас, когда он далеко.

Гийом был закален в схватках с сарацинами и прекрасно владел всеми видами оружия. Публика, расположившаяся вокруг своей королевы, с интересом уставилась на вошедшего.

Уильям был в темном котте, расшитом по краю серебряной нитью, надетом поверх камизы синего шелка и прихваченном на талии великолепным поясом работы константинопольских мастеров. Учтиво поклонившись Алиеноре и ее двору, крестоносец поймал на себе кокетливые взгляды присутствовавших дам, большинство из которых были прелестны. Королева любила окружать себя красотой и добивалась этого от придворных.

Квентину полагалось стоять поодаль, бережно держа боевой меч рыцаря Мелбри, и по первому же указанию подать ему оружие.

Гийом де Бетюн был немного выше и шире в плечах, но это, отметил Уильям, могло делать его менее маневренным. На боевые мечи надели защитные чехлы из толстой воловьей кожи, чтобы бой не закончился кровопролитием.

Когда Уильям отразил первый выпад, его губы громко и торжественно изрекли первые строки обещанной королеве канцоны:

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взят в полон...

Гийом, отскочив от меткого рубящего удара и сменив позицию, обрушил на противника еще один хитрый прием, но и здесь бывший крестоносец сумел несколькими искусными движениями отбросить нападавшего, сопроводив действие следующей строфой:

Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью...

Поединок превращался в настоящее представление, где действующие лица двигались в смертоносном танце, сопровождаемом изящными стихами, которые произносились рыцарем Мелбри с каждым следующим выпадом или ударом:

Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник...

Французский рыцарь, все больше разгораясь гневом, почти потерял оружие. Следующая строка звучала еще более торжественно и страстно:

И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он- изменник...

Разъяренный своими просчетами, Гийом попытался несколькими сильными ударами сбить Уильяма с ног и прижать его острием своего меча к полу, заставив просить у всех прощения за дерзость вызвать на поединок лучшего мечника двора прекрасной Алиеноры. И

у него почти это получилось. Но Уильям незаметно и ловко сменил показную растерянность на решительный выпад, заставивший де Бетюна полететь на пол. И, сделав небольшой поклон, с хитроватой полуулыбкой в сторону королевы крестоносец продолжил:

Простой певец, я недостоин

Надеть на шлем Ее цвета.

Но так гранатны- чьи уста,

Чей лик- так снежен, рост- так строен?..

Поднявшийся француз тяжело дышал, его лицо покраснело от напряжения и злости. Никто еще не сбивал с ног лучшего рыцаря «золотой орлицы». Он сделал знак, что готов продолжить поединок. Глаза придворных дам лихорадочно блестели, лилейные ручки нервозно комкали ткань роскошных платьев, сердца девушек, воспитанных на легендах о короле Артуре, замирали от восторга.

Но если бы кто-то посмотрел не в центр зала, а в один из его углов, где покорно стояли оруженосцы, то увидел бы, как сияет восхищением и тревогой взгляд пронзительных синих глаз на фарфоровом лице самого прекрасного и юного из них.

Гийом сделал еще одну попытку хитроумного и опасного удара, от силы которого не спас бы защитный чехол. Обманным маневром от отвлек Уильяма, обрушившись на него словно дикий вепрь, их мечи скрестились в последней решающей атаке. Но крестоносец, преодолевая невероятное напряжение, все равно

продолжил канцону, почти выкрикивая слова глубоким, слегка хрипящим голосом, на последнем слоге отбрасывая Гийома де Бетюна от себя:

Служить нам честно долг велит

Синьору в битве, богу в храме...

Меч противника со звоном, рассекающим напряженную тишину, упал на каменные плиты. Приставив острое клинка к горлу француз, Уильям произнес последние слова своего посвящения, вызывая ослепительную улыбку на лице прекрасной королевы трубадуров:

Но пусть звенит,

Гремя хвалами,

Искусная канцона- только Даме.

Алиенора попросила соперников пожать друг другу руки. Гневно сопящий Гийом де Бетюн поспешил затеряться в толпе придворных, восторженно аплодирующих победителю. После того, как звуки одобрения стихли, королева встала с кресла, решительно отклонив помощь одной из своих фрейлин. Она позволила Уильяму, преклонившему колено, поцеловать свою руку.

— Ну что же, Уильям Мелбри, доблестный рыцарь Хартфордшира, мне понравилась ваша канцона. Надеюсь и впредь видеть вас при моем дворе как наставника моих старших сыновей в боевом искусстве. Вы доказали, что в совершенстве владеете как мечом, так и словом, — Алиенора сделала едва заметный жест своей свите, что хочет что-то сказать Уильяму наедине. Приближенные почтительно отошли вглубь залы, а королева произнесла тихо, так, что услышать ее мог только он.

— В крестовом походе я сама иногда носила мужской костюм, как амазонка, но не знала, что юные девушки предпочитают такой наряд в мирной жизни, — с этими словами она выразительно посмотрела в сторону оруженосцев, наблюдавших за ними с отведенного для них места. Ее цепкий взгляд еще до начала поединка выхватил хрупкую фигурку невысокого роста, пару больших лазуритовых глаз под сенью длинных сурьмяных ресниц,

нежную кожу, маленькие изящные ладони, сжимающие смертоносное боевое оружие.

Уильям потрясенно молчал, не в силах ни перечить своей королеве, ни согласиться с ней. В его голове, как части какой-то головоломки, складывались жесты, слова, поступки, пунцовый румянец на щеках своего оруженосца, когда рыцарь снимал свою одежду, обнажая тело, плохо скрываемые слезы, обморок, непонятное расположение к этому хрупкому созданию, которое Уильям почувствовал при первой же встрече.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алиенора, увидев замешательство отважного рыцаря, одарила его лукавой улыбкой.

— Может быть, вашей тайной возлюбленной больше подойдет изящное платье, — сказала она все так же полупшепотом. — Завтра я жду Вас к обеду, рыцарь Мелбри, и надеюсь на увлекательный рассказ со всеми объяснениями и подробностями, — в глазах аквитанской львицы вновь блеснули любопытные озорные огоньки.

В одном из покоев замка, которые кастелян отвел для будущего наставника королевских сыновей, ярко пылал большой камин, отбрасывая уютные блики в полумрак, плохо разгоняемый свечами. Уильям сидел в деревянной лохани, наполненной теплой водой, погружившись в свои тревожные мысли.

— Квентин! Пойди сюда! — вдруг скомандовал он, приняв какое-то решение.

Когда оруженосец вошел в комнату, как всегда низко опустив свои небесные глаза, крестоносец уже сознательно отметил, как вспыхнули его щеки, как заметался взгляд, как смущенно перебирали тонкие пальцы ткань простой сюркотты.

Не медля ни секунды, Уильям выбрался из воды, наблюдая, как, понутив голову, оруженосец подает ему льняную ткань для вытирания, стараясь отвести глаза от крепкого обнаженного тела.

— Теперь твоя очередь! Полежай в воду! Негоже появляться при дворе в таком затрапезном виде, теперь ты оруженосец при дворе самой Алиеноры Аквитанской, блистательнейшей из королев! — с вызовом бросил он Квентину.

Реакция на его слова была предсказуемой, сапфировые капли в глазах оруженосца стали еще больше, дыхание участилось, пальцы нервно сжали край деревянной ванны.

— Ну, что же ты! Смелее! Не пропадать же теплой воде!

Оруженосец сплотнул подступивший ком и сказал, оправдываясь, в последней надежде изменить свою участь:

— О, милорд, я не здоров сегодня. Мне говорили, что в таких случаях купание опасно, а я и так не крепок телом.

— Чушь! Полежай! Иначе тебе несдобровать, клянусь всеми святыми! — Уильям почти терял терпение. Он должен был узнать, кто так умело водит его за нос уже столько времени.

Дрожащими пальцами Квентин распустил ворот своего платья. Из-под вечно натянутого на лоб капюшона вспыхнули золотисто-медовые пряди густых, стриженных по плечи волос. Две руки легко вспорхнули наверх, снимая грубую сюркотту. Уильям смотрел, не отрываясь, на чудесное преображение и не мог поверить своей глупости и самоуверенности. Перед ним стояла прекрасная девушка, грудь ее была плотно стянута несколькими слоями ткани, обернутой вокруг хрупкой фигурки, но даже это не могло скрыть изящных изгибов ее тела, от природы наделенного грацией и легкостью. Кожа была шелковистой и нежной, ее оттенок был схож с теплым перламутром, тонкие ключицы трогательно вздрагивали в такт учащенному взволнованному дыханию. Густые черные ресницы слиплись от подступивших и

готовых сорваться с ее глаз горьких слез.

Уильям был словно в полусне, заморожено наблюдая всю эту картину. Но когда дрожащая рука девушки потянулась к груди, чтобы размотать плотную ткань, он решительным жестом остановил испытание. Все и так стало явным как божий день. Вот только крестоносец решительно не понимал, что теперь делать со свалившейся ему на голову юной девицей, которая по известным только ей причинам столько времени скрывалась в мужском платье.

Увидев, как нежную фигурку сотрясают прорвавшиеся вопреки воле рыдания, Уильям вдруг ощутил непонятную, не осознаваемую нежность. Он почувствовал необходимость утешить ее, успокоить, хотя разум был вне себя от очередного обмана.

— Успокойся, я не сделаю тебе ничего дурного. Лучше скажи, наконец, как тебя зовут?

Вытирая сжатым кулачком набежавшие слезы, девушка тихо назвала свое легкое как весенний ветер имя:

— Аерин... Меня зову Аерин.

Сердце было мятежной птицей, трепещущей под тканью прекрасного платья из плотного темно-синего шелка. Таких Аерин никогда не приходилось носить раньше. А потому, когда служанки, которым было приказано привести девушку в порядок перед обедом, разложили его на кровати, она долго любовалась затейливым узором, который чьи-то искусные руки вышили серебряной нитью по гладкой, приятной на ощупь материи.

Рыцарь Мелбри оставил её в одиночестве, терпеливо выслушав сбивчивую и местами мало правдивую повесть. Но что ей было рассказывать о себе кроме того, что он уже знал! Ведь она действительно выросла в замке де Клеров, и у нее не было ничего кроме имени да старой полубезумной няньки, которая иногда разговаривала на непонятном языке, вызывая недовольство графини и самого Гилберта де Клера. В замке Хартфорд ей не разрешали выходить к гостям и никогда не упоминали о ней в разговорах. Зато Роджер и Хамфри были ее друзьями с самого детства. Иногда она присоединялась к ним в битвах на деревянных мечях и стрельбе из лука. Почти всегда предоставленная самой себе Аерин рано научилась сидеть в седле и обращаться с соколом на охоте. И она не могла объяснить, когда и как в Роджере произошла эта странная перемена. Почему он стал таким грубым и навязчивым, отчего в его глазах она видела лишь непонятную ей жажду вместо прежней детской привязанности.

От воспоминаний ее отвлек знакомый голос, в котором теперь звучали стальные ноты:

— Я думаю, Аерин, что вы готовы объясниться с королевой, которую пытались обмануть так же, как и меня.

Уильям заметил, как при этих словах щеки девушки вспыхнули, от чего ее лицо стало еще прекраснее. Он тайком разглядывал своего найденыша, делая вид, что изучает рисунки на одном из гобеленов, украшавших стены. Платье, которое великодушно было прислано самой Алиенорой, оттеняло нежную кожу Аерин и глаза глубокого синего цвета. Короткие волосы скрывала легкая, почти невесомая накидка, удерживаемая тонким серебряным обручем. Наряд был простым, но невероятно шел этой юной особе, которая еще вчера носила грубоватую одежду оруженосца.

Мелбри хорошо понимал, что тон его суров и резок, однако этой маленькой лгунье нужно было преподать урок. Если бы она открылась ему ещё там, на постоялом дворе, то Уильям мог бы простить её невольный обман. Возможно, девушка намеревалась признаться, но все зашло слишком далеко, да и в мужском костюме она чувствовала себя более защищено. Уильям пытался придумать ей оправдание, но нрав рыцаря, который считал любой обман бесчестьем, все еще не мог смириться. И все же, когда Аерин рассказала о скотском поведении Роджера, у него непроизвольно слетело с уст несколько не богоугодных слов, а рука привычно легла на эфес поясного кинжала.

-

В большом сводчатом зале было много гостей. Прекрасные дамы соперничали друг с другом в изысканных нарядах, придворные, рыцари и государственные мужи разместились за высокими длинными столами. Слуги носили яства, пристально следя за своими господами, по малейшему знаку которых наполнялись кубки, а блюда менялись одно за другим.

Аерин не съела ни крошки, она ругала себя за робость, сгорая под любопытными

взглядами всех этих людей, которые, должно быть, до смерти хотели узнать, кто она. Но суровый взгляд Уильяма, сидевшего рядом, отбивал охоту у кого бы то ни было заговорить с загадочной незнакомкой.

Все это время Алиенора наблюдала за статным рыцарем и хрупкой девушкой, сидевшей подле него, опутив прекрасные глаза, и нервно перебирающей концы своего серебристого пояса. Королева невольно залюбовалась этой парой, которая не могла оставить равнодушной ее романтическую натуру. Она с нетерпением ждала объяснений столь загадочного поведения девушки, прибывшей вместе с рыцарем Мелбри в обличье оруженосца. Кто же она? Бежавшая из отчего дома без благословения невинная девица или чья-то неверная жена, не устоявшая перед властью колдовских глаз?

По окончании обеда к Уильяму подошел слуга, сообщив, что Алиенора желает говорить с ними. Аерин побледнела, когда крестоносец подал ей руку, чтобы проводить в покои королевы. Тепло его ладони немного успокоило ее, но во взгляде цвета летнего дня она не видела ни капельки солнца. Он вел себя по-прежнему холодно и отстраненно, выполняя заученные правила этикета.

Ему было неприятно признавать тот факт, что лжеоруженосец водил его за нос столько времени, а он, как последний дурак, отметал все свои подозрения, ведь раньше судьба не сталкивала его с юными девицами, которые стягивали грудь, прятались в мужском платье да еще и проявляли такое рвение к боевому искусству. Но рыцарь постарался как можно яснее, без утайки изложить суть странной истории, умолчав лишь о том, что заставило девушку бежать из замка.

Королева пожелала, чтобы Аерин объяснилась с ней сама.

Когда Уильям покинул их, девушка почувствовала, как теряет невидимую опору, ей ужасно захотелось снова взять его за руку, попросить не оставлять одну под испытующим взглядом этой величественной женщины.

Однако голос Алиеноры оказался на удивление мягким и располагающим и, в тоже время, не давал уйти от ответа:

— Так что же, дитя, заставило тебя предпринять столь опасное приключение, неоднократно запятнав себя ложью? Неужели тебе не было бы спокойнее под опекой де Клеров?

Аерин прикусила пересохшие от волнения губы, судорожно сглотнула, подняв наконец глаза. Ее переполняло чувство стыда за обман, с которым она пришла ко двору королевы. Голос девушки немного дрожал, она произносила слова на одном дыхании, словно избавляясь от тяжелого груза, поведав королеве о том, как Роджер де Клер караулил ее в темных закоулках старого замка, как трудно ей становилось с каждым разом отражать его наглые заигрывания. Как она переделалась пажом, чтобы брать уроки у рыцаря Мелбри, пытаясь научиться защищать себя, потому что все были глухи к ее жалобам. И наконец, уже не в силах сдерживать слезы, рассказала о той ночи, когда пьяный Роджер вломился в ее комнату, попытавшись взять силой, и только чудом появившаяся на пороге нянька помогла ей избежать печальной участи.

Взгляд Алиеноры наполнился сочувствием, ведь у нее самой были дочери. Королева протянула руку и подняла заплаканное лицо девушки, сказав с той ободряющей уверенностью, которая всегда была свойственна ей:

— Тебе больше нечего бояться Аерин из Хартфордшира, отныне ты под моей защитой. Но вот что делать с тобою дальше? Возможно, тебе нужен кто-то смелый и благородный,

тот, кто станет твоим мужем и покровителем? — Королева отметила, как та зарделась от неожиданного вопроса, ведь достаточно было взглянуть сегодня в сторону рыцаря Мелбри и его юной спутницы, чтобы уловить ту странную мистическую связь, которая приводит двух людей либо под сень оелы, либо на край пропасти, но никогда не ослабевает.

Поняв, о ком говорит королева, Аерин в отчаянии воскликнула:

— Он никогда не простит меня за обман, я это знаю!

— Никогда- это неправильное слово, особенно для пылкоо любящего сердца, — сказала Алиенора, загадочно улыбнувшись.

Говорят, что, когда с небесного свода срывается звезда, нужно закрыть глаза и загадать самое заветное желание. Аерин вглядывалась в полуночный бархатный полог, накрывающий уставшую за день землю. Она поплотнее закуталась в свой плащ, подбитый мягким кроличьим мехом, стараясь спрятаться от зябких поцелуев все еще холодного ветра, который свободно разгуливал здесь. Караульные на стенах в который раз не заметили бесшумную поступь маленьких ног и тень, промелькнувшую на винтовой лестнице. Одна из башен замка Лидс на озерном острове, где Алиенора со своим двором решила встретить приход весны, стала для Аерин любимым местом уединения. Здесь она могла побыть вдали от шумных придворных, представить, что вокруг нее нет ни души, что она плывет на большом корабле в бушующем море среди диковинных чудовищ и русалок.

Внезапно крохотная светящаяся точка прочертила серебристый след в темно-синем полотне неба, и девушка, замерев, прикрыла дрожащие веки, обращая свои мысли к Всевышнему и его ангелам, прося о том, чтобы рыцарь Мелбри простил ее за обман. Мудрая королева была права: никого другого на этом свете Аерин не пожелала бы себе в мужа.

В безмолвии, нарушаемом лишь ветром, она слышала стук собственного сердца. Вдруг в нескольких шагах от нее на каменный выступ крепостной стены приземлилась большая круглоголовая птица. Лесной филин уставился на Аерин янтарными омутами блестящих глаз, как будто изучая ее. Испуг от неожиданной встречи длился не долго, и девушка тоже принялась наблюдать за таинственным гостем. Ей понравился пестрый узор его крыльев, блестящие острые коготки, любопытный и немного удивленный взгляд из-под косматых бровей-перьев. Она слышала, что филины — очень мудрые птицы, и посчитала его появление хорошим знаком.

— Мне рассказывали, что волшебник Мерлин тоже любил оборачиваться филином, чтобы наносить тайные визиты, — раздался совсем рядом от нее так хорошо знакомый голос. Рыцарь Уильям Мелбри подошел незаметно, пока Аерин засмотрелась на птицу, его шаги утонули в завываниях ветра.

Предупредив ее вопрос, он сухо добавил: — Довольно неосмотрительно выходить по ночам из своих покоев. Здесь тоже немало охотников до молоденьких и беспечных девиц. Пойдемте, я провожу вас обратно.

Аерин виновато посмотрела на крестоносца, пытаясь уловить в его лице хоть капельку того расположения, которое видела раньше. Все бы отдала она за те утренние часы, когда он обучал ее своему искусству. Но теплая зелень в его глазах сейчас была незаметна, отчего взгляд казался еще более суровым. "Я так и останусь для него лгуньей. Как можно доверять женщине, которая выставила его дураком при самой королеве?" — думала Аерин, блуждая в своих мрачных мыслях.

Заметив, что ветер усилился, Уильям вдруг уверенным жестом накинул капюшон плаща на ее голову. "Делма тоже сделала бы так," — с приятным удивлением отметила Аерин, вспомнив свою заботливую и любящую няню. Он шумно выдохнул воздух и не терпящим возражений взглядом показал на лестницу, ведущую вниз.

--

Судьба рыцаря Мелбри и его спутницы должна была решиться по возвращении короля Генриха из Нормандии.

Уильям обучал королевских сыновей владению мечом, особо отмечая юного Ричарда, который от природы был ловок и бесстрашен. Аерин же пока отдала на попечение фрейлин. Днем она должна была чинно восседать в самой светлой зале за вышиванием приданного для будущего младенца королевы, а вечером присоединяться к веселой придворной жизни.

Алиенора не любила скучного времяпрепровождения, даже сейчас, ожидая ребенка, не желала сидеть взаперти. Она спокойно совершала длительные прогулки, тренируя великолепного охотничьего сокола, а вечерами собирала свой пышный двор, где звучали полные любви песни ее восторженных трубадуров. Королева мечтала снова оказаться в родном Пуатье, где сможет в полной мере наслаждаться прекрасной поэзией и теплыми южными ночами, устраивать турниры, где благородные рыцари смогут показать свою отвагу и готовность служить Прекрасной Даме.

В тот вечер блестящее общество вновь развлекалось танцами и музыкой, игрой в шахматы и кости. При дворе постоянно царила атмосфера рыцарского романа, и каждый с охотой погружался в нее. Аерин казалось, что ее сердечко разорвется каждый раз, когда крестоносец увлекал в танце очередную красавицу из окружения королевы или, приподнимая брови, одаривал кого-нибудь своей лукавой полуулыбкой.

В Хартфорде Аерин не учили танцевать, и сейчас она тихо сидела у стены, пряча глаза от слишком откровенных мужских взглядов. Мелбри увлеченно рассказывал что-то, обступившей его стайке возбужденно щебечущих дам, когда одиночество Аерин было нарушено. Около нее оказался высокий французский рыцарь из ближайшего окружения Алиеноры. Он показался ей очень внимательным и учтивым, но, несмотря на пышные речи, его глаза оставались совершенно пустыми и бесстрастными. Проницательная девушка быстро почувствовала фальшь. Стараясь быть вежливой, она выслушала все комплименты в свой адрес и собиралась, извинившись, покинуть место подле него, но тяжелая ладонь опустилась на ее руку, не давая оторваться от скамьи.

Гийом де Бетюн привык к тому, что его изысканные манеры легко пленяли юных особ, тем более, что все придворные сейчас наблюдали за ним. Если девушка уйдет так внезапно, его, вне всякого сомнения, поднимут на смех, как зеленого юнца, который не смог угодить даме. Француз придвинулся ближе и, приподняв скованную железной хваткой руку Аерин, страстно поцеловал тонкие пальцы, заговорщически улыбаясь своим друзьям. В ту же секунду маленькая пленница вырвалась из его пятерни и залепила незадачливому кавалеру звонкую пощечину, оставив ярко-розовый след на холеном лице де Бетюна.

Его глаза наполнились дикой яростью. Никто не смел так оскорблять наследника старинного прованского рода, тем более на глазах у всего двора. Он с трудом сдержался, чтобы окончательно не уронить себя.

Не прошло и минуты, как подле них оказался Уильям, каждый, кто видел его в этот миг, мог поклясться, что его взгляд мог прожечь дыру во лбу французского дворянина. Они без слов поняли друг друга и вылетели во двор, обнажив оружие. Теперь острые клинки боевых мечей не были скрыты воловьей кожей, каждый выпад, каждый удар мог оказаться смертельным. Крестоносец уже не сдерживал свою ярость, искусно отражая атаки француза, постепенно загоняя его в ловушку. Их окружили придворные, пытаясь образумить и уладить спор миром. Но решающее слово было за королевой. Она, увидев происходящее, тут же повелела противникам вложить мечи в ножны. Ей уже рассказали о наглom поступке де Бетюна, но с Мелбри и тяжелой на руку сиротой все же нужно было что-то решать. У девушки не было близких, которые могли защитить ее честь, только скорейшее замужество

послужило бы гарантией безопасности.

Поэтому, как только разгоряченные схваткой соперники смирili свой гнев, извинившись за столь недостойное поведение, Алиенора призвала Уильяма к себе в покои и там, вдали от чужих ушей, объявила ему свою волю: завтра двору будет объявлено о помолвке благородного рыцаря Мелбри и девицы Аерин.

Потрясенный этими словами, крестоносец поспешно покинул королеву, тяжелые думы не отпускали его. Даже перед боем с сарацинами он не был встревожен так, как сейчас, размышляя о девушке, которая занимала его мысли с того самого дня, когда к ее ногам упала сюркотта оруженосца. Был ли он готов связать свою жизнь с этим юным созданием? Ему казалось, что его сердце уже давно срослось с железом боевого доспеха. Есть ли в нем место для новой любви?

Ранней весной снег начал таять под властью окрепшего солнца, на деревьях набухли первые душистые почки, а сладкоголосые заезжие менестрели уже разбрелись по окрестным замкам, смущая сердца юных девушек.

В замке Хартфорд было не до веселья. Старая графиня скончалась, и теперь все были погружены в траур. Вдова Гилберта де Клера всегда недолюбливала свою свекровь, но должна была признать, что ей не хватало ее дельных советов, особенно по ведению огромного хозяйства и управлению слугами, за которыми нужно было зорко следить.

Кейтлин де Клер подошла к небольшому окну, выходившему прямо на двор, вымощенный камнем, и увидела двух всадников, которых стражники впускали через массивные ворота. Когда они подъехали поближе и спешились, отдавая слугам поводья своих крепких низкорослых коней, графиня замерла. Их длинные густые волосы и бороды медного оттенка, шафрановые плащи поверх простых льняных туник, подпоясанных грубыми ремнями, были ей знакомы. Воины ее брата- Верховного короля Ирландии Мак Лохлайна, выглядели именно так. Кейтлин тревожно стиснула каменный подоконник. Что же понадобилось ее воинственным землякам в замке Хартфорд? Она поторопилась в покои сына, чтобы узнать первой о том, зачем пожаловали загадочные гости.

Старший сын графа де Клера любил сидеть в массивном кресле, украшенном резьбой и инкрустацией, в котором когда-то его отец принимал посетителей. Вот и сейчас он не отказал себе в этом удовольствии, повелительно разместив руки на широких отполированных подлокотниках увенчанных львиными головами. Холодные серо-голубые глаза казались почти рыбьими и от этого придавали своему хозяину жутковатый отталкивающий вид, несмотря на его юный возраст и тонкие черты лица.

Вошедшие приветствовали Кейтлин де Клер с надлежащей учтивостью, как особу, принадлежащую к королевской семье. Она объяснила им, что случилось с графом Гилбертом во время зимней охоты, и что теперь главой дома де Клеров стал Роджер.

Самый старший из ирландских гостей, казавшийся мифическим великаном из-за своих мощных рук и длинной бороды, произнес:

— Мы не будем долго объясняться с тобою, граф Хартфорд. Хотелось бы поскорее завершить то дело, за которым прибыли сюда. В твоём доме живет сирота по имени Аерин. Ее дед лорд Бриан мак Кейн желает вернуть девушку в семью. Гилберт де Клер давал на это свое согласие и разрешил нам приехать.

Потрясенная Кейтлин де Клер увидела, как Роджер резко изменился в лице и на секунду замер в своем парадном кресле, рассматривая мрачных длинноволосых жителей изумрудного острова, но не подал вида, что впервые слышит сказанное ими.

В памяти графини явственно предстал тот дождливый серый день, когда несколько всадников прибыли в Хартфордширский замок и передали ей письмо от брата. Она вспомнила, как долго не могла осознать смысл написанных им слов, как увидела маленький кричащий сверток на руках у полноватой, слегка неряшливой ирландки, которую король просил также оставить при ребенке. В тот момент Кейтлин показалось, что ей не снести позора перед Гилбертом, которого она должна была просить принять под свое покровительство незаконнорожденную дочь Верховного короля Ирландии. Никто не узнал, кем на самом деле была синеглазая девочка-сирота, выросшая вместе с их детьми, а затем

прислуживавшая старой графине. Мысли Кейтлин были прерваны резким голосом сына, в котором читалась насмешка:

— Что ж, благородные воины зеленого острова, я бы с радостью передал вам в руки вашу голубку, но, увы, она упорхнула из гнезда. И мы не знаем, где ее искать.

— Твоему сыну не следует так шутить, Кейтлин! Сейчас мы в твоём доме и пришли сюда по доброй воле. Надеюсь, вы поможете нам вернуть девушку!

Взгляд Роджера тревожно застыл на мощной кисти говорившего с ним ирландца, сжимающей рукоять широкого меча и готовой в любой момент вырвать его из ножен.

Он нервно сглотнул, чуть приподнялся на своем роскошном сидении и сказал уже более серьезно:

— У меня есть подозрения. Возможно, она сбежала с неким рыцарем по имени Уильям Мелбри в тот день, когда он дерзко нарушил свои вассальные клятвы. Они втайне от отца и меня начали встречаться этой зимой. Все мои увещания образумиться и угрозы посадить её под замок не подействовали на своевольную девчонку. Увы, он опытный соблазнитель и я не смог предотвратить их побег. Нужно поехать в город и разузнать, куда направился вероломный Мелбри. Надеюсь, вы спасете нашу дорогую Аерин от бесчестия, ведь она мне как родная сестра, — Роджер сделал трагичное лицо, опустив глаза, словно пытаясь совладать с расстроенными чувствами.

— Уильям Мелбри пожалеет о том, что родился, клянусь мощами Святого Патрика, — мрачно заявил ирландец, пряча наполовину обнажившееся лезвие своего клинка.

После того, как Роджер отдал распоряжение разместить приехавших гостей до завтрашнего утра, они с матерью остались вдвоем. Кейтлин предстоял серьезный разговор с сыном.

— Зачем отец позволил этим ирландским волкодавам приехать сюда? Я просто поражен, что у нашей сиротки Аерин так неожиданно появился родной дед, готовый взять ее под опеку! Может быть, вы матушка соблаговолите мне все это объяснить, — Роджер жестко посмотрел в глаза Кейтлин, наткнувшись на ответные шипы.

— Не забывай, сын, что и в твоих жилах течет кровь этих «ирландских волкодавов». Мой брат управлял разрозненными кланами десять лет. Недавно я узнала о его смерти. Раньше, мои права на наследство никто не оспаривал, теперь все изменилось. Новый король хоть и приходится мне родственником, все равно попытается прибрать к рукам владения Мак Лохлайнов. Мне необходимо как можно скорее ехать на родину, иначе земли в Ирландии будут потеряны. Я собираюсь присоединиться к нашим гостям на обратном пути.

Роджер смотрел на мать в замешательстве, он не понимал до конца, почему так внезапно она заговорила о своем отъезде.

Кейтлин, собравшись духом, позвала свою служанку, ожидающую за дверью, и отдала ей какое-то приказание. Через некоторое время та вернулась, держа в руках небольшую деревянную шкатулку.

Открыв ее, графиня достала старый пергамент и протянула сыну. Роджер читал послание и не мог поверить глазам: Аерин никогда не была сиротой, в ее жилах текла кровь ирландского короля, и, как бы дико это ни звучало, она приходилась племянницей его матери, так же имея право на обширные земли зеленого острова!

— Теперь ты понимаешь, что означает прибытие наших гостей! В ирландской псарне началась борьба за лакомую кость. Новый король уже раздает лены. У моего брата не осталось сыновей. И хотя Аерин — незаконнорожденная дочь, ее будущий муж все равно

сможет претендовать на жирный кусок. Этот Бриан мак Кейн, ее дед, вовремя вспомнил о своей внучке и наверняка уже подыскал для нее удачную партию при дворе. Кейтлин посмотрела на своего сына, пытаясь понять, сделал ли он правильный вывод из этого разговора. Ответ не заставил себя долго ждать:

— Я думаю, малютке Аерин не найти более достойного мужа, чем наследник графа де Клера. Завтра же я отправлюсь на ее поиски вместе с нашими дорогими ирландскими гостями!

Хищно улыбнувшись, он не без сладкой дрожи подумал, как часто представлял Аерин в своих руках. Теперь это должно было стать явью.

Еще вчера она была просто Аерин, сирота из Хартфорда, которая жила под крышей замка де Клеров и прислуживала старой графине Беатрис. Даже в самых радужных снах девушка не могла представить, что окажется при дворе королевы Англии, а всего через несколько недель станет невестой благородного рыцаря.

Но вместо восторга и радости она чувствовала лишь тоску, потому что со дня помолвки Уильям Мелбри по-прежнему избегал ее. Они сидели рядом на приемах, жених был учтив и внимателен, но, проводив до покоев, всегда поспешно скрывался. Ей не удавалось поговорить с ним наедине, он не искал с нею встречи, вокруг них всегда были посторонние. Поведение крестоносца было загадкой, ведь вступившись за нее перед де Бетюном, чуть не убив француза, он показал, что она ему не безразлична. Это не было лишь проявлением рыцарской доблести, и Аерин хорошо это поняла. Сидя в утренний час в кругу придворных дам, пытаясь не пришить себе палец золотой нитью, она почему-то не могла отогнать навязчивые мысли о том, какие на ощупь его смоляные, чуть задетые серебром волосы. Девушка почувствовала, что ей не хватает воздуха, почти выбежав из душных покоев.

— Невесты всегда так волнуются перед свадьбой! Можно подумать, их отдают на съедение дракону, — сказала ей в след одна из дам, звонко рассмеявшись.

— Даже если бы Мелбри был драконом, я бы не пожелала лучшей участи! — задорно отозвалась другая.

Старшая фрейлина, посмотрев на них испепеляющим взглядом, быстро привела в чувство развеселившуюся компанию.

Оказавшись в одиночестве, Аерин, наконец-то, почувствовала себя спокойнее. Под любопытными взглядами придворных дам ей становилось не по себе. Слушать их советы, шутки, бесконечные сплетни было уже невыносимо. Она бы все отдала за возможность прогуляться верхом по весеннему пробуждающемуся лесу. Внезапно в ее голове созрел безумный и почти безнадежный план — разыскать Уильяма и попросить его сопроводить ее. Нужно было, наконец-то, поговорить с ним, отставив в сторону свой страх. Ведь их жизни скоро будут связаны перед богом.

Обман — это большой грех, но священник, у которого она исповедалась, сказал, что чистые помыслы и праведные дела со временем смоют его. А что же может быть более праведным, чем искренняя любовь, которую она собиралась подарить своему будущему мужу?

Аерин вспомнила, как в первый раз увидела его из своего окна, въезжающим в замковые ворота. Тогда он показался ей немного угрюмым и мрачным. Но как только она разглядела его большие глаза, наполненные нежной светлой зеленью, то поняла, что этот человек не может быть плохим.

Посмотрев по сторонам и не заметив свидетелей, девушка направилась к тому самому залу, где Уильям проводил по несколько часов в день, отрабатывая с принцами искусные приемы владения мечом. Слава Богу, сегодня здесь было не многолюдно. Устроившись на галерее менестрелей, Аерин с восхищением наблюдала из своего укромного уголка за выверенными движениями рыцаря, его умелыми руками, которые виртуозно выписывали мечом самые замысловатые фигуры. Ей безумно хотелось к ним присоединиться, но это было невозможно. Оставалось лишь смотреть и представлять себя на месте учеников. Вот

этот выпад она сделала бы гораздо лучше Генриха, а Годфри мог бы быть порасторопнее, Ричард же выше всяких похвал. В скором времени ему наверняка не будет равных.

Закончив урок, Уильям отпустил своих подопечных. Услышав в наступившей тишине какой-то шорох, он поднял глаза и увидел девушку, которая все это время наблюдала за ним.

— Спускайтесь! — приказным тоном сказал рыцарь.

Через минуту лазутчик уже был внизу.

— Разве в этот час вам не положено находиться в покоях королевы вместе с фрейлинами? — чуть нахмутив брови, спросил Мелбри. — Или вы продолжаете своевольничать, как всегда?

Девушка подумала, что переоценила свои силы, когда пообещала не краснеть от его прямых вопросов и внимательного взгляда. Стоя перед ним, она теперь страшно смущалась, не в пример тому времени, когда прикидывалась мальчишкой-пажом. Но ведь она не привыкла отступать, что-то бунтарское в ее натуре никогда не позволяло поворачивать назад.

— Милорд, я хотела просить Вас об одолжении, — увидев, как он внимательно слушает, чуть наклонив голову, Аерин уже окончательно осмелела, — Сопроводить меня на прогулку. Я не привыкла так долго сидеть в четырех стенах. Но если вы откажете, я пойму, — со вздохом добавила девушка, посмотрев на рыцаря печальными глазами.

Уильям смотрел на нее и думал, как она похорошела за последние недели. Ее чрезмерная худоба, вызванная лишениями и скитаниями, ушла, лицо приобрело здоровый румянец, глаза отливали васильковыми россыпями, теплотой и юностью, волосы немного подросли, и теперь эти шелковые пряди так и хотелось пропустить между пальцами. Она словно пробуждалась вместе с природой, сбрасывая гнет зимних тревог и испытаний.

После некоторых раздумий он отложил в сторону оружие и, взяв ее за руку, направился к королевским конюшням.

Весенний лес пах божественно- хвоей, мокрой землей, свежестью зарождающейся листвы. На склонах небольших холмов уже пробивались первоцветы, по кустам слышалась возня и оживленное щебетание птиц, а на высоких деревьях то и дело мелькали темные спинки юрких суетливых белок. Бланкарт вышагивал среди этого великолепия словно горделивый король, поднимая копытами рыхлую почву, нетерпеливо встряхивая головой, исполненный желания пуститься в галоп. Но сильная рука хозяина надежно держала поводья, не давая ретивому животному осуществить желаемое.

Аерин сидела впереди, приникнув спиной к широкой груди Мелбри, который укрыл их обоим меховым плащом. Сквозь плотную ткань котта, она хорошо чувствовала каждый удар его сердца, каждый глубокий вздох. Эта неожиданная близость словно была мостом, который проводил их через сомнения и страхи.

Невидимая преграда, выстроенная Уильямом в воспитательных целях, рушилась от звонких всплеск девичьего смеха, который звучал, дополняя весеннее лесное разноголосье, каждый раз, когда они давали Бланкарту возможность ускорить бег или видели удирающего с дороги зайца.

— Почему же ты сразу не призналась мне? Я бы не дал тебя в обиду, — спросил он уже совсем потеплевшим голосом.

— Я привыкла, что никому не было дело до того, что творит Роджер, поэтому решила действовать сама. Простите меня за обман, клянусь Святой Девой, больше никогда не посмею солгать вам.

Крестоносец слушал ее извинения, произносимые кротким голоском, вспоминая своего талантливого ученика-пажа, который со свирепым видом сжимал гарду меча, бросаясь в атаку, и на лице сама собой появлялась улыбка. Он понимал, что больше не сердится на нее, поддаваясь той нежности, которая вспыхнула в нем, как огонь на сторожевой башне, и теперь разбегалась по венам горячим стремительным потоком.

Вдруг им послышались какие-то громкие звуки, топот коней, резкие крики приближающихся герольдов, возвещающих о прибытии своего короля. На лицо рыцаря набежала тень напряжения, и он уверенной рукой повернул Бланкарта к замку.

Тронный зал был наполнен оживленными голосами придворных, которые собрались, чтобы поприветствовать вернувшегося Генриха Плантагенета. Их король никогда не сидел на месте. Иногда решение об отъезде принимались им настолько быстро, что слуги не успевали собрать повозки с поклажей, а придворные нагоняли его уже в пути. Энергичный и деятельный монарх предпочитал лично видеть положение дел в своих владениях, навещая самые отдаленные уголки. Именно за эту страстную, веселую натуру и деловитость Алиенора когда-то и полюбила венценосного юношу, который был на десять лет младше нее.

В остальном же Генрих мало напоминал короля. Он был невысок ростом, широкие плечи переходили в мощную бычью шею, его круглое лицо было усыпано веснушками, а рыжие волосы, которые он коротко стриг из боязни облысеть, были вечно растрепаны. Буйный нрав он унаследовал от анжуйских предков, а от английского деда Генриха I — склонность к наукам. Когда руки короля не были заняты луком и стрелами, мечом или поводьями, он заседал в совете или корпел над книгами.

Рядом с его тронном всегда восседала королева, которая была его верной советницей и помощницей во всех государственных делах.

Уильяму Мелбри было позволено подойти и, преклонив колени, приветствовать своего короля. Генрих узнал в нем храброго мечника, который был в числе тех, кто помогал ему утвердить свои права на английский престол в борьбе против Стефана Блуаского. Алиенора уже поведала мужу о прибытии бывшего крестоносца ко двору и его желании служить короне.

Плантагенет никогда не забывал о заслугах своих сторонников, особенно тех, кто поддерживал его в самое трудное время. Еще вчера после рассказа королевы он был готов принять вассальную присягу от рыцаря Мелбри, но сегодня утром ему пришлось столкнуться с малоприятными известиями. И сейчас его пальцы, униженные драгоценными перстнями, нервозно царапали подлокотники, король не любил интриги и неясности, как и долгие приемы.

— Поднимись, рыцарь! Я всегда рад видеть при дворе и под своими знаменами отважных воинов. Но прежде чем принять твои клятвы, мне нужно знать, не запятнал ли ты свою честь каким-либо недостойным поступком, чтобы я мог либо простить тебя, либо наказать.

Уильям смотрел в тусклые серые глаза Генриха и не понимал, что за игру затеял король. Но от ее исхода зависело все.

— Простите, Ваше Величество! Я не святой, но всегда старался жить по чести, посему не могу назвать ни одного такого поступка.

Тут рыцарь вынужден был обернуться, потому что из толпы расступившихся

придворных с довольной ухмылкой на лице вышел новый граф Хартфорда Роджер де Клер. Двое длинноволосых ирландцев стояли за его спиной, свирепо уставившись на Уильяма.

Король снова заговорил, обращаясь к нему:

— Правда ли, что ты соблазнил и выкрал из замка Хартфорд дочь покойного короля Ирландии?

Мелбри вновь был потрясен, он не понимал, причем здесь ирландский король и его дочь, которой он даже в глаза не видел. Все это походило на бред, на злой умысел, который был хорошо продуман.

— Я отрицаю эти обвинения! Они ложны! Могу поклясться Святым престолом, что в замке де Клеров никогда не видел ирландской принцессы.

— Ваше Величество, Уильям Мелбри обманом и колдовством заманил в свои сети невинную девушку, которая была моей невестой. Долгое время мы не знали об ее происхождении, но теперь ее родственники в Ирландии хотят, чтобы она вступила в свои законные права, — нагло изъяснился Роджер, кивнув в сторону сопровождавших его воинов зеленого острова.

От этого змеиного коварства у крестоносца застучало в висках, а рука потянулась к поясу, на котором висел боевой меч. Теперь все прояснялось, речь похоже шла об Аерин. Совсем не безродной сиротой оказалась эта девушка, иначе Роджер вряд ли бы кинулся на ее розыски. Ведь его прежнее внимание к ней было продиктовано лишь похотью, а не высокими чувствами.

Генрих Плантагенет был склонен к частым приступам гнева, во время которых его обычно невыразительные глаза вспыхивали огнем, а в лице появлялось нечто львиное. Вот и сейчас это затянувшееся разбирательство приводило его в плохое расположение духа. А потому он быстро принял единственно верное для того времени решение: завтра будет устроен поединок чести, на котором соперников рассудит Бог.

Когда над замком Лидс поднялось заспанное солнце, скупое делясь теплом с его обитателями, во дворе уже началась суeta. Все были в предвкушении сегодняшнего зрелища. Генрих запретил рыцарские турниры, не желая видеть смерть ради забавы, но поединок чести был совсем другим делом.

Роджер всю ночь обливался холодным потом, ведь он не ожидал такого поворота событий. Его же ирландские спутники одобрительно зарычали, услышав решение короля, не зная, что Мелбри превосходный мечник. Молодой де Клер старался не показывать вида, что он до смерти напуган. "Да я и пикнуть не успею, когда он разрубит меня на части как свинью," — в отчаянии думал он, до боли сжимая кулаки. Вглядываясь в полотно занимающегося рассвета, Роджер истово молился о чуде и спасении своей души.

Страшные думы были прерваны настойчивым стуком в дверь. "Кого черт принес так не вовремя?" — ругнулся де Клер, тут же осенив себя крестным знаменем.

Вошедший был ему не знаком. Высокий и широкоплечий рыцарь в щегольском придворном наряде быстро обшарил комнату своими угольно-черными глазами, ища ненужных свидетелей их предстоящего разговора.

— Кого я имею честь видеть? Назовите себя!

— Я ваш доброжелатель, в некотором смысле, даже ангел-хранитель, — ехидно улыбнувшись, ответил таинственный гость, закрывая за собой дверь. — Уильям Мелбри не должен выиграть поединок, и это как в ваших, так и в моих интересах.

Роджер настороженно слушал, боясь поверить своим ушам. Этот француз, которого он сразу различил по выговору, предлагал ему свою помощь.

— Только Всевышний может помочь мне сегодня! Мелбри — искусный мечник, мне не выстоять против него! Разве что, вы сам дьявол и предложите мне продать душу за его смерть! — со злостью выкрикнул граф.

Высокий незнакомец достал из-под плаща крошечную склянку с темной жидкостью и протянул Роджеру.

— Достаточно протереть лезвие этим и дать высохнуть. Одна царапина, и он уже не встанет.

Молодой Хартфорд округлил глаза и в ужасе уставился на гостя, словно тот и вправду был Люцифером. Наконец, совладав с собой, он принял из его рук страшный подарок.

Утренний воздух был пронизан острыми иглами растущего напряжения. Оно расходилось широкими кругами по толпе, собравшейся в большом дворе озерного замка. Для короля, королевы и самых именитых придворных были приготовлены высокие сидения, остальные зрители стояли вокруг импровизированного ристалища, где вот-вот должна была пролиться кровь одного из противников, которые будут доказывать свою правоту перед Богом.

Мелбри был в кольчужной рубашке, поверх которой было надето сюрко с фамильным гербом в виде серебряной десницы на синем фоне. Верный боевой меч с двойным долом сверкал в руках крестоносца, ловя пока еще слабые отблески весеннего солнца. Мощная рука уверенно сжимала эфес.

Роджер де Клер предстал пред королевским двором в хауберке, на его роскошном сюрко

были красные и золотые цвета дома де Клеров. Лицо с ледяными глазами казалось бесстрастной маской молодого дерзкого хищника, под которой граф Хартфорд старательно прятал свое смятение. Перед ним стоял его бывший наставник, от которого он в свое время едва успевал увернуться. "Одна царапина, и он уже не встанет,"- звучал в ушах дьявольский голос. Роджер почувствовал, как по спине ползут холодные змейки страха.

Король отдал приказ начинать, и противники на секунду замерли, напряженно глядя друг на друга, сжимая гарды своих мечей, ожидая, кто нападет первым. Роджер не выдержал тяжелого взгляда Мелбри и, сделав умелый маневр, попытался сбить его с ног сильным рубящим ударом, которому рыцарь учил их с братом в Хартфорде. Молодой граф понимал, что его попытка провалится почти сразу, но, видимо, крестоносец решил поиграть с ним, сделав вид, что потерял равновесие. Де Клер, не раздумывая, кинулся в новую атаку, стараясь воспользоваться форой в полной мере. Однако Уильям не дал ему такой возможности, легко и непринужденно отбросив его от себя как надоедливую щенка, слегка скользнув острым лезвием по щеке, оставляя кровавую рану.

Роджер схватился за изуродованную щеку, окончательно потеряв самообладание. В нем поднялась темная звериная ярость, не оставив место для сомнений. Мелбри подумал, что де Клер будет вести себя более рассудительно, не бросаясь так отчаянно на его меч, но тот не унимался. Крестоносец же не спешил, сохраняя силы для решающего удара. Он не собирался убивать наглого клеветника, однако хорошо проучить его было праведным делом.

Последующие атаки Роджера были еще менее продуманы, совершенно лишив его сил. Нужно было заканчивать этот затянувшийся поединок. Под одобрительные возгласы окружавшей их толпы придворных и челяди рыцарь Мелбри одним из своих искусных приемов выбил меч из рук Роджера де Клера. Тот, пошатнувшись, упал на одно колено. Божий суд был закончен. Крестоносец уже развернулся в сторону короля, как вдруг почувствовал в ноге обжигающую боль. Он резко повернул голову, встретившись с бешеным оскалом своего поверженного противника, сжимавшего в руке окровавленный кинжал, предательски выхваченный им из-за пояса. Рубящим ударом с разворота Уилл поразил его правую руку, но из-за внезапной слабости, завладевшей самим рыцарем, рука Роджера была только сломана в предплечье и повисла плетью. Граф взвыл от боли и зашёлся ругательствами.

Пока барахтающегося Роджера поднимали и уводили оруженосцы, Мелбри почувствовал, как земля под ногами начала растворяться. Он, пошатываясь, достиг места, где сидели Генрих и Алиенора, готовые приветствовать победителя. Преклонив колено перед своим королем, Уильям понял, что не в силах подняться и попытался опереться на меч. В ту же секунду его тело отказалось повиноваться, рыцарь упал как подкошенный под громкие возгласы потрясенных зрителей.

Аерин, с замиранием сердца наблюдавшей поединок, не потребовалось времени, чтобы размышлять о соблюдении каких-либо приличий. Девушка быстро преодолела расстояние, отделявшее ее от рыцаря. Забыв о своем длинном платье, подол которого волочился по раскисшей земле, она упала рядом на колени и приподняла голову Уильяма, пытаясь увидеть хоть какие-то признаки сознания на побледневшем заострившемся лице.

Королева Алиенора, не на шутку растревоженная исходом схватки, проследила, чтобы крестоносца осматривали не придворные лекари, а грек-алхимик, который прибыл с ней когда-то из Антиохии.

Уильям не приходил в себя, хотя сердце еще билось. Слуги быстро освободили его от тяжелой кольчужной рубашки. Заплаканная Аерин попыталась протестовать, когда ее выставили из комнаты и передали подоспевшим придворным дамам. Те сразу же принялись шептаться сочувствующими голосами, будто рыцаря уже не было среди живых.

В общей суматохе никто не заметил, как два рыжебородых угрюмых ирландца исчезли из толпы. Долго задерживаться при английском дворе они не собирались, но прежде чем пуститься в обратный путь, надо было поговорить с наследницей Мак Кейна.

Роджер де Клер взвыл от страшной боли, когда королевский костоправ принялся за дело. Граф чертыхался и скулил, впиваясь в деревянную палку, которую ему было велено сжать зубами. Он проклинал Мелбри, утешаясь лишь тем, что через несколько часов его враг будет мертв. Ирландцев рядом не было, лишь оруженосец и слуга навалились на его ноги, чтобы Роджер не мешал лекарю осматривать сломанную руку. Мысли путались от мучений плоти и де Клер почти терял сознание. Две фигуры, появившиеся в дверном проеме, сначала показались ему видением, вызванным помутившимся от боли рассудком. К нему приближался золотоволосый ангел, за спиной которого вышагивал сам сатана, чей лик был чернее ночи. Роджер в ужасе закричал, вырываясь из цепких рук врачевателя.

— Не гневите Бога, граф Хартфорд, Вы сами напросились! Примите свое заслуженное наказание терпеливо! — гневно произнесла Алиенора, которую Роджер тотчас же узнал по голосу. Когда он перестал кричать, королева продолжила: — Слушай же внимательно, де Клер! Ты оклеветал честного и благородного рыцаря, который много лет выполнял свой долг перед Господом в Святой Земле. Я, не колеблясь, могу приказать моему слуге заняться твоей второй рукой, а потом другими частями тела. Как ты думаешь, Мехти? — обратилась она в сторону огромного мавра, которого Роджер поначалу принял за посланника Ада.

Увидев, как в расширившиеся зрачках графа де Клера замечались искры животного ужаса, Алиенора произнесла свой ультиматум:

— Я знаю, что твой кинжал был отравлен. Если ты отдашь мне сосуд, в котором было то самое зелье, мы сохраним тебе жизнь.

Роджер застонал больше от своей бессильной ярости, чем от боли в сломанной руке. Он понимал, что королева не шутит. Чертов Мелбри каким-то непостижимым образом сумел завоевать расположение этой могущественной женщины. Граф молча показал глазами на гобелен, за которым оказалась небольшая ниша. Мавр королевы быстро обнаружил там маленькую склянку со следами темной жидкости.

Удовлетворенно кивнув, Алиенора закончила разговор словами:

— Покинь замок завтра же! И упаси тебя Бог появиться когда-нибудь при моем дворе, граф Хартфорд!

Когда королева вышла, царственно приподняв длинный шлейф шелкового платья, Роджер бессильно рухнул на подушки, яростно отпихнув ногой замешкавшегося оруженосца.

Ей не хотелось возвращаться в свои покои, но и оставаться среди придворных, с напускным состраданием на лицах, не было сил. Аерин поспешила к той башне, где частенько любила посидеть в одиночестве. Ей нужно было выплакаться вдали от любопытных глаз, так будет легче перенести страшное ожидание.

Девушка поднялась по узкой винтовой лестнице, не заметив, что за ней пристально наблюдают. Оказавшись наверху, она предоставила ветру свое мокрое от слез лицо, но это было ненадежным средством: соленые капли все еще сбегали по щекам, разъедая нежную кожу.

Звук тяжелых шагов заставил резко обернуться. В первую минуту ей показалось, что подошедшие к ней люди принадлежат к тем сказочным обитателям горных пещер, про которых долгими зимними вечерами рассказывала Делма. Их рыжие волосы и бороды спускались ниже плеч, придавая своим владельцам дикий и воинственный вид. Но Аерин не показала, что встревожена этой встречей, и смахнув слезы гордо подняла голову.

Ее приветствовали почтительно, высказав желание поговорить о каком-то чрезвычайно важном деле. Первым начал разговор самый старший из ирландцев:

— Я Эханн, а это мой брат Дара. Мы оба служим лорду Бриану Мак Кейну. Ты, должен быть, знаешь, что он желает признать тебя своей наследницей?

— Мне рассказали, — последовал короткий ответ. — Но почему же лорд Мак Кейн не сделал этого много лет назад? — спросила она, с вызовом посмотрев на своих грозных собеседников.

— Откуда Лорду было знать, что ты жива? — продолжил Эханн. — Наш король Мак Лохлайн, упокой Господь его грешную душу, был еще тот ходок и обесчестил дочь Мак Кейна. Жениться он так и не надумал. Несчастливая умерла в родах, и всем было накрепко приказано молчать о ребенке. Только перед смертью король признался, что спровадил тебя в Англию к своей сестрице Кейтлин, подальше от чужих глаз.

Аерин слушала этот грубый голос, затаив дыхание, разум ее отказывался понимать, что вся эта запутанная история про нее. В последнее время жизнь походила на череду странных событий и испытаний, которые, казалось, подстерегали ее с каждым новым восходом солнца.

— Как видишь, твой дед не виноват в том, что ты выросла как безродная сирота. Теперь он хочет восстановить справедливость. Сыновья покойного короля Мак Лохлайна погибли при последней стычке кланов, и теперь ты можешь предъявить права на его земли как единственная, хоть и незаконнорожденная дочь. Лорд нашел для тебя самого достойного жениха в наших землях. Больше тебе не придется искать покровительства у англичан!

— Но я уже обручена! — воскликнула потрясенная Аерин.

— Твой рыцарь не жилец! Это я сам слышал сегодня в замке. Похоже, Бог не принял его сторону, так же, как и этого лживого щенка де Клера, — выступив вперед, прорычал Дара.

— Это не правда! Мелбри — самый благородный человек, которого я знаю, и он не умрет! — гневно бросила она огромному ирландцу, рядом с которым казалась совсем крошкой.

— Лучше бы тебе собираться в дорогу и поскорее! Думаешь, король Генрих упустит случай сделать из тебя разменную монету в своих черных делах? Едва твой жених умрет, ты будешь обещана одному из английских вассалов. Чёртов Плантагенет желает пустить корни на нашей земле! — рывкнул Эханн

— Ты ведь понимаешь, что мы можем увезти тебя силой? — пригрозил Дара. — А это лишние хлопоты и опасности. Зачем доводить до греха?

Аерин смотрела на них, думая, что эти воины не желают ей зла, выполняя лишь волю своего лорда. Но это не имело никакого значения, ведь здесь в замке, забывшись смертоносным сном, лежит тот, кто значит для нее больше, чем собственное будущее. Пусть надежда хрупка как соломинка, но она будет за нее держаться. И она не позволит себя запугать.

Девушка произнесла решительно и громко, нажимая на каждое свое слово:

— Вот что я скажу вам, славные мужи Ирландии. Передайте Лорду Мак Кейну, что я ценю его желание дать мне свое имя и наследство, но не могу покинуть жениха. Если мне и придется увидеть родину, то лишь женой рыцаря Мелбри или... смиренной монахиней. Пока же я на земле Англии и под покровительством ее короля. Если вы не хотите сложить головы на плахе в чужом краю, советую поскорее покинуть Лидс. Это мои последние слова.

Проговорив все это, Аерин твердым шагом направилась к выходу из башни, оставляя раздосадованных провалом своего плана длиннобородых воинов Мак Кейна.

Генрих Плантагенет склонился над картой своих владений, сосредоточенно рассматривая нанесенные придворным картографом границы. Слишком долго он тянул с разрешением ирландских дел. Восемь лет назад ему так и не удалось посадить своего брата Вильгельма на трон зеленого острова. Нужно было возобновить притязания на эти земли, тем более что булла на завоевание Ирландии давно получена из рук римского папы. Адриан IV сам был англичанином и хорошо понимал интересы родины и ее короля.

Глаза Генриха, путешествующие по пергаменту, вдруг остановились на одной из нанесенных на карту территорий. Он подозвал своего маршала и осведомился:

— Так здесь, ты говоришь, находятся владения Мак Кейна?

Маршал утвердительно кивнул головой. Король на минуту задумался и произнес: — Мне нужно поговорить с той девушкой, невестой Мелбри. Пусть сегодня перед обедом ее приведут в мои покои. Кстати, как он?

— Плохо, Ваше Величество. Не приходит в себя уже целые сутки, хотя лекарь королевы лично им занимается.

— Ну что же, на все воля божья. Жалко терять столь доблестного рыцаря, ведь у меня на него большие планы, — король нахмурился лишь на минуту, переживания по поводу своих подданных не были в его стиле. Жизнь одного из них — ничто в сравнении с задачами целого государства.

--

Аерин казалось, что она впала в беспамятство также как и Уильям, вот только все слышала, двигалась, коротко отвечала на обыденные вопросы. Придворные дамы неустанно приглядывали за ней. Ведь покои, где лежал раненый рыцарь, нельзя было посещать никому кроме алхимика, который настоял на полном покое. Аерин иногда слышала, как слуги перешептывались по углам о страшных демонических вещах, которые якобы творились за закрытыми дверями. Но девушка хорошо понимала, что люди всегда боятся того, чего не

знают. Она верила королеве и молилась о том, чтобы загадочный лекарь спас ее возлюбленного любой ценой.

Получив приглашение к Генриху, она страшно испугалась, подумав, что ей придется услышать самые печальные вести. Поэтому, войдя в просторную залу, где ее ждал король, едва устояла на ногах после почтительного поклона. Генрих, увидев это, сразу же приказал слугам подать ей кресло и кубок с вином. Какая редкая и необычная красота, подумал про себя Плантагенет, отметив большие сапфировые глаза на лилейном лице, имевшем восхитительную форму сердца.

Заставив ее пригубить вино, он, наконец, увидел, что ее щеки немного порозовели, а в глазах появился живой блеск.

— Нам доложили, Аерин, что ты отвергла предложение ирландцев вернуться с ними на родину. Так ли это? — спросил король мягко и вкрадчиво, словно кот, загоняющий в угол мышь.

Девушка ответила, не раздумывая, ей нечего было скрывать:

— Да, Ваше Величество, я сказала им, что не желаю слышать об отъезде, тем более, когда жизнь моего жениха в опасности.

— Однако же, ты очень упряма для такого юного возраста. Узнаю буйную кровь Мак Лохлайн, — задумчиво произнес Генрих. Немного наклонившись вперед, он задал страшный вопрос, испытующе глядя ей в глаза: — А что, если рыцарь Мелбри умрет?

Глаза Аерин потемнели, ресницы затрепетали от набежавших предательских слез. Но она сдержалась и ответила королю:

— Тогда для меня не будет лучшей доли, чем стать одной из сестер Господа нашего.

Генрих вдруг изменился в лице. От прежде участливости не осталось и следа. Мутные серые глаза теперь были колючими и жесткими, как у хищника, который не терпел пререканий. Пальцы, униженные перстнями, сжались подобно когтям сокола на горле добычи.

— Мы считаем, что ты должна послужить английскому престолу, Аерин Мак Кейн. Ведь именно эта земля дала тебе приют. Мелбри не единственный мужчина на свете. Ты должна знать, что если он не выживет, я выберу тебе достойного мужа среди своих приближенных. Он станет моим наместником в Ирландии. А ты вступишь в свои законные права и укрепишь нашу власть в этом краю, произведя на свет здоровых сыновей. Это твое предназначение и долг перед нами. Церковь не осиротеет. Ты еще успеешь принять постриг на склоне лет.

Генрих дал понять, что дальнейшие вопросы и возражения бессмысленны. Ей стало ясно, что властный монарх сделал ее пешкой в своих политических играх, как и предрекали ирландцы.

Потрясенная, измученная разговором и полная отчаяния Аерин вернулась в отведенные ей покои и тут же упала на колени перед статуэткой Святой Девы, которую ей прислала Алиенора. Нежный лик, искусно вырезанный мастером из розоватого камня, был полон спокойствия и сострадания. Девушка сложила ладони, обращая к небесам свою горячую молитву.

Уильям снова ощущал под ногами снежный покров. Он оглянулся и увидел себя посреди знакомой поляны. Вокруг была ясная лунная ночь. Ничто не нарушало царственной тишины леса, который выступал темными зубцами на фоне звездного неба. В этом спокойствии и умиротворении хотелось раствориться. Вдруг он почувствовал знакомый озноб, пробежавший по коже. В лесной чаще притаился зверь, готовый напасть в любую минуту. Мелбри хотел выхватить поясной кинжал. В этот раз он не ошибется! В нескольких шагах от себя он увидел бледное лицо Гилберта де Клера. Тот ничего не говорил, лишь молча смотрел невидящими глазами, а потом исчез. Но посреди заснеженной чащи стояла уже другая фигура, маленькая и хрупкая, которую он сразу узнал.

— Что ты здесь делаешь, Аерин? Уходи! Спасайся! — кричал Уильям, понимая, что не успеет добежать до нее раньше зверя.

Бледное лицо с заострившимися скулами казалось безжизненным, его покрывали мелкие капельки пота, которые антиохийский лекарь промакивал куском полотна, смоченным в особом растворе. Противоядие действовало очень медленно, его следовало принять намного раньше. Теперь вся надежда была лишь на крепость тела рыцаря и на божью милость. Вдруг старик услышал невнятное бормотание, раздавшееся из плотно сомкнутых одеревеневших губ. Наклонившись к лицу рыцаря, он различил лишь имя, которое тот бормотал в горячечном бреду.

Антиохиец тут же подозвал к себе своего мальчишку-ученика, отдавая какие-то распоряжения.

Вся комната, в которой безраздельно царствовал чужеземец-алхимик, была пропитана едкими запахами восточных благовоний и целебных зелий, которые приготавливались его проворными сухощавыми руками, мелькавшими среди многочисленных склянок и сосудов с непонятными обозначениями.

Несмело переступив порог, девушка вопросительно уставилась на тощую фигуру в длинном пестром одеянии. Пара блестящих любопытных глаз цвета темного янтаря обратилась к Аерин из-под густых белесых бровей. Она подумала, что этот странный человек так напоминает уже знакомую ей лесную птицу. Ей не терпелось задать вопрос о состоянии Мелбри, но она почему-то робела под этим изучающим взглядом. Старик-алхимик ничего не сказал и не задал вопроса, только направился к небольшой двери, ведущей в смежные покои, приглашая ее следовать за ним.

Он не остановил ее, когда она торопливо подошла к высокому ложу. Душа лучшего мечника двора бродила в неведомых дебрях. Лишь старания лекаря удерживали хрупкую связь плоти и духа, которая могла оборваться в любую минуту. Аерин коснулась тонкими пальчиками лица Уильяма, пробежавшись по его точеным скулам и тонкой линии безжизненных губ.

Он же все бежал по заснеженному лесу, боясь, что в любую секунду клыки демонического вепря разорвут стоявшую на поляне девушку. Но теперь маленькая размытая фигурка вдалеке стала приобретать очертания. Уильям уже отчетливо увидел большие глаза цвета яркой византийской смальты, наполненные слезами.

— Уильям! — ее крик прорезал хрустальную тишину. — Не оставляй меня здесь одну!

— позвала она снова, протягивая к нему руки.

Но его ноги сковывала непонятная сила, мешая двигаться дальше. Оставалась лишь пара шагов. Он в ужасе подумал, что сейчас произойдет самое страшное. Она смотрела на него из глубины ночи, вызывая о помощи, совсем одна, потерянная во мраке, на алтаре белоснежного покровы, который вот-вот обагрится ее кровью.

Нечеловеческим усилием Уильям оторвал свои онемевшие ноги от земли и закрыл ее собой в последний миг, отделявший жизнь от смерти. Удар был сокрушительным, но вопреки логике вены вновь стали наполняться живительной силой, тьма отступила, приближение зверя больше не будоражило воспаленный мозг. Все, что он хотел чувствовать и видеть сейчас, это ее горячее дыхание и прикосновение теплой ладони, которой она коснулась его лица, тонкий весенний аромат ее волос и яблочный румянец на щеках.

Уильям Мелбри медленно открыл слипшиеся веки и поймал блуждающим взглядом лицо Аерин, уронившую голову на подушку подле него. Несколько часов девушка провела в этой комнате рядом с рыцарем, истово молясь о чудесном исцелении и шепча его имя. Алхимик королевы оставил их почти сразу же, удовлетворенно покачивая головой. Он уже не в первый раз был свидетелем того, что любовь может быть сильнее любых зелий и самой смерти. Противоядие врачевало плоть, но одинокой душе нужно было надежное пристанище на земле, чтобы сопротивляться зову сумеречного мира.

Очнувшийся от забытья рыцарь еще некоторое время с удивлением рассматривал свою маленькую уснувшую невесту. Очевидно, она долго пробыла здесь, наблюдая его состояние, и усталость взяла свое. Но почувствовав на себе взгляд, Аерин открыла свои удивительные глаза, которые тут же наполнились искрящейся радостью, а ее лицо со следами недавних слез преобразилось в ослепительной улыбке.

— Доброе утро, моя будущая жена, — сказал он, все еще не в силах оторвать голову от подушки.

— Доброе утро, будущий муж мой! — ответила она, порывисто прижавшись к его руке горячими губами. Она так боялась, что все это окажется лишь сном.

Антиохиец был доволен, его план сработал на славу. Но рыцарю еще нужно было восстановить силы. А потому, обнаружив, что тот пришел в себя, он по-прежнему молчаливо дал понять посетительнице, что она выполнила свою задачу, и теперь ей нужно оставить Уильяма.

Она благодарно посмотрела на врачевателя и покорно выскользнула из покоев. Нужно было незаметно прокрасться в свою постель, чтобы не навлечь на себя темные слухи. Хотя алхимик не проронил ни слова, Аерин верила ему и могла надеяться, что все произошедшее останется тайной.

Лекарь посоветовал рыцарю проводить несколько часов в день под огромным дубом около замка, чтобы выздоровление шло быстрее. Некоторые утверждали, что дерево растет здесь со времен короля Артура, и под ним когда-то сиживал сам Мерлин. Как бы там ни было, но мощный ствол и раскидистые, диковинно переплетенные ветви были поистине сказочными. Мелкая молодая листва уже покрывала древнего великана нежной дымкой, вновь возрождая его к жизни. Здесь было тихо и спокойно, лишь редкие птицы наполняли воздух своим прерывистым щебетанием. Бланкарт с жадностью втягивал свежий воздух, опуская голову к земле и пощипывая редкие нежные травинки.

Увидев приближающуюся фигурку девушки, Уильям поспешно поднялся, все еще

чувствуя слабость из-за мощного яда, которым его пытались убить.

Большие, наполненные искренней нежностью и страстью глаза обратились к нему из-под трепещущих ресниц. Ее дыхание сбилось, а волосы растрепал весенний ветер, пока она бежала по склону холма. Он улыбнулся, про себя отметив, что эта девушка никогда не будет похожа ни на одну из самых прелестных придворных дам, ни на одну из самых искусных одалисок, что были у него на Востоке. Потому что каждый ее вздох и каждое движение наполняли смыслом его жизнь, в которой уже давно не было ничего подобного.

Аерин с трудом подавила желание прижаться к его груди, услышать биение его сердца совсем рядом, так же, как тогда в комнате антиохийского лекаря.

Стараясь сдержать свои чувства, рыцарь позволил себе взять ее маленькие ладони в свои. Разговор был не простой, ее нужно было успокоить.

— Я знаю, Аерин, что ты тепло относишься ко мне, что твое сердце желает любви. В юности мы живем одним днем, не задумываясь о том, что будет дальше. Знай, что не против воли я стал тебе женихом. Любой мужчина был бы рад взять в жены такую прекрасную и отважную девушку, — он тяжело вздохнул, крепче сжав ее руку, а потом решительно произнес: — Но я не могу это сделать. Безземельный рыцарь не пара наследнице ирландского короля.

Она стояла перед ним, не понимая, почему он говорит эти странные слова, когда взгляд зеленых глаз был полон нежности, так же, как и в то мгновение, когда он впервые пришел в сознание после длительного забытья. Он протянул руку и взял ее за подбородок, развернув к себе, словно хотел запомнить ее лицо, сохранить в своих воспоминаниях такой, какой она была сейчас.

— На родине тебя ждет более достойная партия, ты войдешь в число самых знатных и богатых дам королевства. И если даже новый король не признает твоих прав, то земли Мак Кейнов делают тебя очень богатой наследницей, — продолжал Уильям. — Больше никто не посмеет попрекать тебя происхождением.

Аерин ожесточено замотала головой, отмахнувшись от его руки, по щекам покатались слезы, на ее лице не осталось и следа от былой кротости.

— Хорошего же вы мнения обо мне, милорд! — горько произнесла она, с вызовом посмотрев на него. — Неужели вы думаете, что мне есть дело до каких-то титулов и земель! — Уильям посмотрел на упрямо вздернутый носик и синие глаза, которые испепеляли его взглядом. Он видел ее будто в первый раз. — Считаете, что только вы способны на благородство, рыцарь Мелбри?!

— Я обязан предложить тебе этот выбор. Понимаешь ли ты, что можешь потерять, если пойдешь на брак со мной? Помолвка — это не брачный обет, поэтому ты ничем мне не обязана, Аерин!

Его увещевания, похоже, не возымели никакого эффекта. Девушка не желала поддаваться уговорам, а потом произнесла, словно бросая вызов его воле:

— Делайте все, что пожелаете, но я поеду в Ирландию, лишь став вашей женой!

Этот отчаянный ультиматум подействовал на Мелбри как крепкое вино, внезапно ударившее в голову. Так вот какая она на самом деле — маленькая сумасбродка с горячей кровью непокорных кельтов, готовая отказаться от всего, что так неожиданно преподнесла ей судьба, ради него, чьим достоянием был лишь верный меч и боевой конь. Он молчал, не в силах поверить и осознать, что это было правдой. Но последние сомнения растаяли в глубине прекрасных глаз, которые смотрели на него с тайной мольбой, и сердце крестоносца

наполнилось бесконечной радостью.

Он вдруг наклонился к ней и, притянув к себе, нежно прошептал, теряя контроль над собой:

— Научишься ли ты когда-нибудь поступать благоразумно?

— Этого я не могу обещать! — ответила она, забывшись под настойчивым и нежным, первым в своей жизни поцелуем.

Дыхание зверя

Спешные приготовления к свадьбе шли полным ходом. Король не любил откладывать дела в долгий ящик. В Ирландии ему нужен был верный слуга и грозный наместник. Генриха очень радовала мысль, что им будет именно Уильям Мелбри, а не кто-то другой. Бывший крестоносец знает, как навести порядок в мятежных землях, тем более что его женой будет родная дочь ирландского короля и наследница одного из самых влиятельных лордов. Он поможет ей утвердить свои права, отбив притязания воинственных кланов. Ко всему прочему, Плантагенет принял от Мелбри вассальные клятвы и даровал ему ленное право на часть своих земель в Ирландии. К тому времени, когда король со своим войском высадится на побережье зеленого острова, у него должен быть надежный союзник.

Уильям был удивлен и обрадован решением своего сюзерена, он и не надеялся на такую щедрость, хотя понимал, что за нее придется расплатиться собственным потом и кровью. Королевские подарки никогда не были сиюминутной прихотью, за ними всегда стояли государственные интересы.

Аерин проснулась от солнечного луча, который настырно пробивался сквозь небольшое узкое окно и разгуливал по ее лицу, освещая закрытые веки. Она вынуждена была открыть глаза. Это пробуждение было радостным, ведь сегодня она снова увидит своего будущего мужа и вместе с ним встанет у алтаря. Девушка вновь прикрыла глаза, вспоминая тот поцелуй под дубом, который пробудил в ней что-то незнакомое и волнующее. Эти мысли вновь заставили ее покраснеть. Слава богу, что этого никто не видит.

Вошедшие в комнату служанки внесли в покои большую деревянную лохань и поставили напротив очага. Они разожгли огонь, натаскали и подогрели воду, постелили на дно светлую простынь. Женщины помогли Аерин забраться в купель, сетуя на то, что ее прекрасные волосы не успели как следует отрасти: теперь ей нечем будет стыдливо прикрывать свою наготу перед мужем. Эти таинственные перешептывания и сдавленные смешки тревожили девушку еще больше.

Подвенечное платье из алого шелка уже было разложено на кровати. Она вновь залюбовалась прекрасной работой вышивальщиц, которые пустили по краю затейливый узор из переплетенных листьев и жемчужин. Нижняя длинная камиза также была сшита из серебристой материи, отливавшей перламутром. Наряд был поистине щедрым подарком невесте. Вечером Аерин облачат в эти прекрасные одежды, покроют голову тонкой вуалью с драгоценным венцом, который ее жених предусмотрительно заказал придворным ювелирам еще в день помолвки.

Пока же невеста должна была оставаться в своих покоях и провести остаток дня в смиренной молитве. Но как она ни старалась обратить мысли к Всевышнему и ангелам, не могла отогнать необъяснимую тревогу, которая свернулась в ее сердце давящим клубком. Сегодня все наконец-то свершится. Сегодня я усну на его груди, и больше никто нас не разлучит, успокаивала она себя, сжимая в руке нательный крестик.

Уильяму очень хотелось увидеть Аерин, но зайти к ней до венчания он не мог. Рыцарь приказал лишь передать своей невесте драгоценный ларец со свадебным убором да несколько белоснежных первоцветов, которые сорвал сегодня. Закаленный в боях

крестоносец улыбался словно влюбленный мальчишка, представляя, как славно они будут смотреться в ее волосах цвета дикого мёда. Все же волнение не оставляло его ни на минуту. Она так юна и неопытна, иногда порывиста и безрассудна. Готова ли она к той роли, которую ей назначила судьба? Хотя он знал, что в ее возрасте любая девушка уже считается невестой, а некоторых выдают замуж еще раньше, ему все равно казалось, что он слишком стар для нее. В своих чувствах он был уверен так же, как в своей твердой руке, державшей меч, но перерастет ли ее пылкая девичья страсть в настоящую верную и преданную любовь? Его покойная жена была так же молода, как и он, когда их поженили родители. Им понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть друг к другу, но потом пришло нечто большее, то, что навсегда осталось в его сердце. И даже смерть не смогла вытравить этого, несмотря на долгие скитания, в которые он пустился, желая облегчить свои душевные муки.

Когда минула половина дня, одна из королевских фрейлин в сопровождении служанок поспешила к невесте. Нужно было ободрить и успокоить девушку перед длительной и важной церемонией и тем, что последует после нее. Прихватив с собой небольшую корзинку с едой, чтобы Аерин смогла подкрепиться, королевская фрейлина важно проследовала к покоям будущей жены лорда Мелбри для выполнения миссии, возложенной на нее самой Алиенорой.

Открыв тяжелую дверь, она остановились в недоумении: комната была пуста. Аерин не было ни в покоях, ни около них. Возможно, она вышла прогуляться вопреки правилам, но после долгого ожидания посетительница так и не дождалась ее возвращения.

Через некоторое время запыхавшийся оруженосец ворвался в небольшую замковую часовню, где должно было состояться венчание, чтобы передать Мелбри, который пришел сюда на исповедь, тревожные вести.

Пугающие догадки проносились в его голове, пока он шел к покоям Аерин, около которых уже было полно народу. Фрейлины, слуги и придворные громко переговаривались, сбитые с толку внезапным исчезновением невесты. Кастелян опросил всю челядь, но никто не видел ни девушки, ни ее возможных похитителей.

Обыскав и перетряхнув все до последнего крысиного угла, Мелбри и его помощники убедились в том, что Аерин здесь уже не было. Генрих, узнав о происшествии, тут же распорядился отправить на розыски небольшой отряд хорошо вооруженных рыцарей, возглавить который надлежало Уильяму. Прежде всего, нужно было прошерстить город, где могли видеть длиннобородых ирландцев. Они отбыли из Лидса несколько дней назад, но, по всей видимости, не собирались отступать от своих целей.

Лавочники и менялы на городской площади утверждали, что в последний раз рыжеволосые воины в шафрановых плащах появлялись здесь три дня назад, но потом их и след простыл. Чужеземцы выглядели приметно для горожан, к тому же их грозный вид невольно заставлял быть настороже.

Уильям понимал, что версия с похищением Аерин ирландцами призрачна. Воины Мак Кейна не дураки. Они поняли, что тягаться с волей короля Англии не было смысла. А вызывать его гнев на свои головы было бы глупостью. Неужели его предали? Неужели она вновь обманула, сбежав из-под венца? Нет, признавать такое значило отвергнуть все то, что произошло между ними. Он старался изо всех сил не допускать разрушающие надежду мысли. Но с каждой минутой они крепили и захватывали его сознание, вызывая отчаяние и гнев. Час, когда они оба должны были стоять у алтаря, уже прошел, ветви омелы, которыми украсили их покои и брачное ложе, были безжалостно сорваны Уильямом, для него они

были насмешкой и горьким напоминанием. Вернувшись из города, он тяжело опустился на сундук у изножья высокой кровати, закрывая руками пылающее лицо. Только голос оруженосца вырвал его из тяжких дум.

— Ваша милость, я не знаю, важно ли это, но вчера вечером оруженосец де Бетюна пил как в последний день.

Уильям насторожился:

— Продолжай! — скомандовал он, чувствуя, как застучало в висках.

— Когда мы с Джеффри стали расспрашивать его, он зарыдал и признался, что до смерти биться плавать на корабле, но еще больше боится гнева своего господина. А тот в скором времени собирается пересечь Ирландское море, про которое и так дурная слава ходит.

— Какого же дьявола ты молчал?! — вскипел рыцарь, хватая оружие и дорожный плащ. В ответ послышалось что-то невнятное. После вчерашней попойки оруженосец вспоминал все происходившее с большим трудом, а мысли до сих пор путались в чугунной голове.

— Оповести людей короля, что мы немедленно выступаем!

Небольшой отряд выехал из ворот замка, по приказу Генриха Плантагенета во все гавани были отправлены королевские гонцы.

Гийом де Бетюн частенько покидал двор, навещаясь в увеселительные дома и картежные сборища. А потому никто из придворных не удивился его отсутствию. Только сейчас Уильям понял, как опрометчиво недооценивал коварство француза. Намерения де Бетюна стали ясны как божий день, когда рыцарь узнал о состоянии дел графа, промотавшегося за игрой почти все свое наследство. Сделав Аерин своей, пусть и против воли, на Ирландскую землю Гийом ступит как муж богатой наследницы. Сердце Уильяма сжалось от боли и ненависти, когда он представил ее в руках этого жестокого и мстительного человека. Мелбри почувствовал, как им овладевает праведный гнев, который обычно не оставлял ни единого шанса его врагам. Вот оно, дыхание зверя, подумал Уильям, разгадывая свои недавние видения. Только сейчас это не было горячечным бредом.

Песнь моря

Аерин забила в угол небольшой каморки, стараясь прийти в себя после произошедшего с ней в этот страшный день. Все тело болело после нескольких часов, проведенных в седле. Разве могла она знать, что записка, переданная дворовым мальчишкой, заманит ее в ловушку. Значит, утреннее тревожное предчувствие ее не обмануло. Неужели люди лорда Мак Кейна решили действовать такими варварскими методами? Своих похитителей она не могла видеть из-за плотного мешка, который ей набросили на голову, но могла поклясться, что человек, который грубо связал ее руки и усадил впереди себя на лошадь, не был ирландцем. По крайней мере, от него не пахло так удушливо диким зверем. Очевидно, в замке у ее земляков был сообщник.

Сейчас они остановились где-то на постоялом дворе, об этом можно было судить по многочисленным пьяным голосам. Она понимала, что кричать и звать на помощь в подобном месте бессмысленно. Здесь наверняка собирался самый отъявленный сброд, который и сам был не прочь поживиться. Грубо втолкнув ее в какое-то помещение, похититель запер замок. Аерин кое-как смогла сбросить с головы ненавистный мешок и осмотреться. Руки были по-прежнему стянуты веревкой, и она с ужасом подумала, что придется провести так всю ночь.

Внезапно от тяжких дум ее отвлек звук открывающейся двери. Появившаяся на пороге высокая фигура была ей так хорошо знакома, что у Аерин вырвался невольный вскрик.

Вороньи глаза смотрели с холодной уверенностью, как будто Гийом де Бетюн уже был ее полновластным господином.

Она посмотрела ему прямо в лицо, стараясь не отводить взгляда. Только бы он не догадался, как колотится от страха ее сердце.

Он склонился в учтивом поклоне, фальшиво улыбнувшись.

— Признаюсь, я не хотел чтобы наша очередная встреча проходила в столь убогом месте, но увы, пока мы стеснены обстоятельствами. Осмелюсь предположить, вы страстно желаете знать мои намерения и причину сегодняшнего поступка?

Аерин молчала, медленно отходя от шока, в который повергло ее появление де Бетюна.

Не дожидаясь ответа, довольно созерцая ее смятение, Гийом решил объясниться:

— Все дело в том, дорогая, что нашему королю в Ирландских землях нужен наместник. Разумеется, им должен быть человек высокого происхождения и незаурядных способностей. Генриха очень расстроило выздоровление Мелбри. В свете последних событий вы стали очень важны для его интересов в Ирландии. А потому простой рыцарь -

плохая партия для наследницы влиятельного лорда, чьи владения должны стать в будущем оплотом короны.

— Что вы хотите этим сказать? — пробудившись от оцепенения выкрикнула Аерин.

Француз приблизился к ней, бросая повелительный взгляд с высоты своего немалого роста, и громко объявил:

— Через пару дней мы достигнем Бристоля, там нас ожидает корабль, отплывающий в Ирландию. Капитан любезно согласится объявить нас мужем и женой, пока мы преодолеваем этот сложный и опасный путь. А по приезду ваш дед благословит наш союз, обливаясь слезами радости.

— Вы, должно быть, бредите! Король и рыцарь Мелбри будут меня искать. Вам не уйти

от расплаты!

Гийом де Бетюн только рассмеялся ей в ответ:

— Король сам дал согласие на мои действия. Как иначе можно было остудить пыл крестоносца, он ведь и вправду вознамерился жениться на вас. Но скоро Мелбри придется смириться с тем, что Вы предпочли меня и сбежали из-под венца. Плантагенету в Ирландских землях нужен я, а не безземельный рыцарь.

Он подошел к ней уже вплотную, в черных глазах зажглась та же непонятная жажда, которую Аерин уже видела однажды во взгляде Роджера де Клера.

Де Бетюн протянул свою большую шершавую ладонь и притронулся к ее щеке, проведя пальцем по губам, словно хищник играющий с загнанной в угол добычей. Она резко дернула головой, вызвав его сдавленный смех.

— Люблю норовистых дам, их так же сладко укрощать, как диких лошадей. Надеюсь, Вы оправдаете мои ожидания, юная леди. Советую хорошо выспаться перед дальней дорогой. И не вздумайте кричать и звать на помощь. В этом заведении немало висельников, которые, конечно же, рады будут вызволить вас, но совсем не с благими намерениями. С этими словами де Бетюн достал свой поясной кинжал и разрезал веревки на ее руках. Через минуту она услышала скрежет дверного замка и в изнеможении опустилась на какое-то подобие кровати, стоявшей в самом темном углу.

После двух дней тяжелой дороги Аерин едва стояла на ногах. Сотни раз она прокручивала в голове разные варианты побега. Но де Бетюн словно читал ее мысли, с дьявольской прозорливостью устраняя любые возможности. Оставалась лишь надежда, что Мелбри не поддастся лживым слухам о ее побеге и пустился в погоню. Аерин напряженно ловила взглядом силуэты всадников, попадавшие на пути, прислушивалась к стуку копыт в тишине лесной дороги. Оруженосец француза все время молчал, запуганный своим господином, но на его грубоватом веснушчатом лице было глубокое сочувствие, когда он бросал взгляд на осунувшееся лицо юной пленницы, которую Гийом цепко удерживал в седле перед собой.

В Бристольской гавани пахло соленой морской водой, тухлой рыбой и мокрым деревом. Ветер яростно подгонял мощные волны, бившиеся о берег. Здесь стояли купеческие и боевые круглобокие когги с боевыми кастями на носу и корме, встречались обшитые кожей легкие ирландские кураги.

Они поднялись на борт одного из кораблей. Грузный и громкоголосый капитан отдавал короткие приказы сновавшим вокруг матросам, сопровождая свою речь отборными ругательствами. Де Бетюн о чем-то заспорил с ним, но, видимо, они сошлись в цене, и увесистый кошелек переключался из рук француза в огромную лапищу хозяина судна.

В небольшой каюте, куда поместили Аерин, было душно и темно, корабль раскачивался на волнах словно пузатое морское чудовище, скрипя деревянными внутренностями. Измученная девушка уже чувствовала приступы тошноты, ее силы были на исходе. Аерин знала, что скоро когг снимется с якоря и все будет кончено. Она больше никогда не увидит Уильяма Мелбри, а в таком состоянии не сможет долго сопротивляться де Бетюну. Отчаяние завладело ею как неотвратимая, разъедающая тело и душу болезнь. Аерин безвольно лежала на узком соломенном тюфяке, заменявшем морякам кровать. Только звук открывающейся двери заставил ее приподняться.

Подойдя к девушке, де Бетюн театрально поклонился, будто они все еще находились

при дворе, издевательски заметив:

— Я надеюсь, наше маленькое приключение не доставило особых неудобств, юная леди. Мы скоро отплываем, и мне очень хочется видеть вас более воодушевленной. Может быть, я смогу вас утешить?

С этими словами он протянул к ней руку, которую Аерин тотчас же с отвращением отбросила. В глазах де Бетюна сверкнул гнев. Он силой заставил ее подняться и притянул к себе, заведя назад руки.

— А ведь я пытался быть учтивым! Но вижу, тебе не нравится хорошее обращение! Хочешь ты этого или нет, но сегодня именно я стану твоим мужем!

Его скользкие губы коснулись ее шеи, и это вывело ее из оцепенения, она начала ожесточенно вырываться, пытаясь высвободить руки из цепкой хватки де Бетюна. Но он был огромен и силен. Прижав ее к деревянной обшивке корабля, не давая пошевелиться, француз все более распалялся. Ей удалось укунить его, и теперь алая струйка сбегала по перекошенному гневом и похотью лицу.

В дверь каюты кто-то с силой постучал. Гийом резко отпрянул от нее и, чертыхаясь, пошел открывать. Раздавшийся снаружи голос оруженосца принялся что-то испуганно объяснять своему господину. Через минуту Аерин услышала, как заскрипел железный затвор.

Она в ужасе начала метаться по маленькому помещению, пытаясь найти хоть какое-то подобие оружия. Но кроме сундука с каким-то тряпьем, нескольких грубых табуретов и стола, намертво приколоченных к полу, здесь ничего не было. В углу валялся лишь кусок канатной веревки. Если произойдет самое страшное, если он вернется и сделает с ней то, что намеревался, лучшим выходом будет смерть, она не сойдет с этого корабля женой Гийома де Бетюна, решила Аерин, пряча свою находку под тяжелую крышку дорожного сундука.

Угрюмые моряки подозрительно поглядывали на королевский отряд, прочесывающий ближние таверны и донимающий расспросами капитанов. Однако все это приходилось терпеть, печать Плантагенета отрезвляла даже самых неразговорчивых.

Высокого всадника в черном видели здесь несколько часов назад. Оставалось надеяться, что его корабль все еще не отплыл. Уильям спешил к очередному пришвартованному коггу и думал, что его голова сейчас разорвется от напряжения. Уже третьи сутки он проводил в седле, делая лишь краткие остановки, чтобы поменять лошадей. Он боялся опоздать, ведь ничего не стоило крепкому воину сломить сопротивление юной хрупкой девушки, даже такой отчаянной как Аерин. Мелбри прокручивал все мыслимые и немыслимые способы расправы над де Бетюном, но все еще не мог его отыскать. Видимо, похититель хорошо заплатил морякам за молчание.

Требовалось немало времени, чтобы обыскать все суда, стоявшие на якоре в Бристоле. Капитаны недовольно роптали, глядя, как люди короля бесцеремонно заглядывают в трюмы и каюты, нарушая их привычные приготовления к длительным и опасным путешествиям.

Несколько кораблей уже были готовы к отплытию, но недавний шторм помешал их планам. Силы небесные, пусть ветер даст мне еще несколько часов, молил крестonosец. Он понимал, что лишь чудо избавит Аерин от печальной участи. Вдруг его взгляд зацепился за суету, которая царила на одном из кораблей. Там явно отдавались приказы к немедленному отплытию. Его капитан наверняка был не из робкого десятка, если только ему не пришлось сниматься с якоря по чьей-то настоятельной просьбе, подкрепленной золотом. Рядом с

Уильямом было всего лишь двое рыцарей, остальные осматривали пришвартованные когги. Он поспешно направился к трапу, сделав знак остальным спутникам следовать за ним. В руках у Мелбри был свиток с королевской печатью, который давал право на осмотр любого судна, стоявшего в гавани.

Капитан с минуту разглядывал восковой герб, а затем приказал седому и почти беззубому матросу прочесть написанное на пергаменте. Убедившись в правоте слов неожиданного гостя, он сурово гаркнул, с вызовом посмотрев на Мелбри и его немногочисленных спутников:

— Может, Плантагенет и разрешил тебе разворотить весь порт, но на своем корабле я хозяин! Скажи, что ищешь, или проваливай!

— Если ты не желаешь навлечь на себя королевский гнев, советую быть честным со мной, — проговорил Уильям, стараясь сохранить спокойствие. Но напряженные взгляды моряцкой команды сверлили его насквозь. Только один сигнал капитана, и эта свора накинется на непрошенных гостей. — Мне известно, что на твоём корабле может быть французский рыцарь и юная девушка, которая находится с ним не по своей воле. Он похитил ее в день нашей свадьбы. Сам король заинтересован в поимке француза, как ты только что убедился из его указаний.

Мелбри внимательно наблюдал за реакцией старого моряка, который явно что-то знал, но колебался с ответом. Внезапный резкий всплеск за бортом разрезал повисшую тишину. Небольшая шлюпка была кем-то второпях спущена на воду. Уильям кинулся к тому месту, где слышал звуки. Внизу он увидел утлое суденышко, которое подбрасывало словно щепку. В ней была маленькая фигурка, закутанная в плащ, бледное лицо с огромными омутами синих глаз обратилось к нему с пронзительной надеждой, почти бескровные губы произнесли его имя, словно спасительную молитву. Он заметил, что Аерин крепко связана: если лодку сейчас перевернут разгулявшиеся волны, ей не спастись. Едва собравшись спуститься, чтобы поднять девушку на борт, рыцарь увидел, как за спиной выросла тень де Бетюна. Он уже держал наготове меч.

— Давай разберемся с этим вдвоем, Мелбри! Пусть твои люди нам не мешают. Мой оруженосец тут же обрежет веревку, если увидит, что меня схватили, а эту лодку унесет в море.

Гийом удовлетворенно отметил, что его шантаж подействовал. Каким слабым делает любовь даже самого закаленного воина! Уж себе-то он никогда не позволял такой глупости. Крестonosец еще не оправился от яда, его рука не так крепка как прежде, думал француз, сжимая гарду своего смертоносного клинка, который не раз прославил его на турнирах в Анжу и Провансе.

Мелбри молниеносно обнажил меч. Сопровождавшие его рыцари без слов поняли, что в эту схватку вмешиваться не стоит, и отошли к сгрудившимся на палубе морякам.

Два давних соперника скрестили оружие в смертельном поединке. Один из них сегодня не сойдет с этого корабля живым. Звонкие звуки сильных рубящих ударов смешивались с ревом морской стихии, словно она впитывала всю силу ярости сражавшихся на палубе воинов.

Аерин замерла в лодке, ее одежда промокла от безжалостных потоков воды, которые то и дело обрушивались на борт. Она со страхом наблюдала происходившее на корабле, понимая, что сейчас все в руках Божьих.

Ветер раскачивал судно, палуба была зыбкой, постоянно уходя из-под ног. Де Бетюн

наносил удары стремительно, не давая Мелбри ни единой передышки. Он явно хотел измотать едва оправившегося от болезни рыцаря. Но тот отражал атаки с присущим ему мастерством, хотя они становились все изощреннее и хитрее. Гийому удалось оттеснить Мелбри к корме. Во второй руке де Бетюна сверкнуло лезвие кинжала, он собирался пустить его в ход при очередном маневре. Неожиданный удар острого как жало клинка, заставил рыцаря пошатнуться, раненое плечо тут же обагрилось кровью. Аерин закричала, ей показалось, что сейчас де Бетюн, сделав резкий разворот, обрушит смертельный удар на голову Уильяма. Она до боли напрягла свои руки, почувствовав вдруг, что веревка поддается ее усилиям. Оруженосец де Бетюна оказался сердобольным юношей, он не смог бы лишить девушку шанса спасти свою жизнь.

Едва крестоносец справился с очередным выпадом француза, ловко увернувшись от его меча, тот сменил тактику, начав выжидать ответных ударов Мелбри. Уильям зажал рану на руке, чтобы не допустить большой потери крови, и сделал несколько сильных выпадов, не позволяя Гийому подойти ближе.

Тем временем Аерин смогла, помогая себе зубами, наконец, справиться с веревкой. Она быстро скинула плащ и длинное платье, заткнув за пояс подол нижнего котта. Холод пронзил ее, как только она оказалась в воде. Нужно было оказаться на корабле как можно быстрее, иначе ее ждала верная смерть. Волны отбрасывали девушку назад, но она продолжала бороться с ними, ожесточенно продвигаясь к кораблю и держась рукой за привязанную к нему веревку. Она не думала о том, что может погибнуть, так и не добравшись до борта, в голове была лишь одна мысль- не позволить де Бетюну расправиться с Уильямом. Она не знала, чем сможет помочь, лишь дикая ярость двигала ею сейчас, не давая оценить всю опасность своего отчаянного поступка. Оруженосец де Бетюна не ожидал такого поворота, никогда раньше ему не приходилось видеть столь бесстрашных девиц. Сам он до смерти боялся воды и теперь лишь с ужасом наблюдал, как Аерин плывет к кораблю, и понимал, что сейчас не может отвлечь своего господина от смертельной схватки.

Доплыв до якорного каната, Аерин вцепилась в него руками, начав карабкаться наверх, преодолевая последний рубеж на пути к желаемой цели. Увлеченная поединком команда не заметила, как девушка оказалась на палубе, спрятавшись среди многочисленных снастей.

Затянувшееся действие изматывало обоих противников. Мелбри не подпускал де Бетюна, но ему все труднее было справляться с его звериным натиском. Возможно, он давно бы остудил пыл француза несколькими искусными ударами, но тело еще не оправилось от действия яда, и движения были не такими молниеносными как прежде.

Де Бетюн обладал чутьем убийцы, который улавливает нужный момент, чтобы вцепиться в горло ослабевшему сопернику. Он вытерпел очередной сильный удар рыцаря, оставивший глубокий порез на его лице, а затем, извернувшись, с силой ударил его по поврежденной руке. Резкая боль заставила Мелбри ослабить хват меча, чем сразу же воспользовался француз, вторым ударом выбив оружие из руки крестоносца. Меч отлетел в сторону, и на лице де Бетюна появилась торжествующая ухмылка. Он не собирался проявлять рыцарское благородство, намереваясь тут же снести голову ненавистному мечнику. Уильям явственно ощутил дыхание смерти. Еще мгновение, и все будет кончено.

Внезапно какая-то тень метнулась к месту схватки. Нежные девичьи руки подняли упавший меч. Публика на корабле пораженно зарычала. Де Бетюн замешкался от такого неожиданного появления своей пленницы, но этого было достаточно. Уильям узнал один из своих лучших ударов.

В последний миг Гийом страшно вытаращил глаза и, выронив оружие, рухнул на колени, схватившись за пронзенную грудь, из его горла раздались какие-то клокочущие звуки, но никто не разобрал последних слов. На палубе воцарилась мертвая тишина, все смотрели на удивительную девушку, мастерски державшую меч. Ее прекрасное лицо, обращенное к падающему французу и окропленное его кровью, горело праведным гневом.

Через минуту Мелбри уже держал ее в своих руках, она дрожала, но не от холода, а от потрясения, которое пришлось пережить, не в силах даже заплакать. Он закутал ее в свой плащ и отнес на берег словно самую драгоценную ношу, забыв про боль в раненом плече и свою адскую усталость. Наконец, опустив Аерин на землю, Уильям бережно стер с ее лица кровавые капли, как зачарованный глядя во все еще испуганные русалочьи глаза, которые она обратила к нему из-под густых ресниц. Слова любви застыли у него на языке, слишком часто он вкладывал их в изысканные, но пустые фразы.

— Я уже говорил тебе, что ты самая талантливая из моих учеников? — спросил он, обнимая ее лицо своей широкой ладонью, смирив предательскую дрожь в голосе.

— Я всегда хотела быть такой же смелой как ты, — выдохнула она, избавляясь от своего оцепенения.

— Нет, моя любовь, ты гораздо отважнее!

Он завладел ее губами со всей страстью и нежностью, которую так долго укрощал, пытаясь быть строгим и сдержанным. Аерин таяла под его настойчивым поцелуем, замирая от восторга. Больше он не хотел и не мог притворяться, ведь в его объятьях была женщина, которую он ждал всю свою жизнь.

Могучие волны разбивались о берег, оставляя на лицах соленые брызги, но они еще долго слушали песнь моря, уносившую прочь все прошлые сомнения и тревоги, повествуя о новой жизни, в которую они войдут рука об руку. Пусть не спокойной и размеренной, но всегда озаряемой светом настоящей любви, которой подвластны любые испытания.

Больше книг на сайте - Knigolub.net